

Кольцо вечности

Автор:

Патриция Вентворт

Кольцо вечности

Патриция Вентворт

Мисс Сильвер #14

Полицейский Фрэнк Эббот собирался безмятежно провести отпуск у родственников в деревне. Не тут-то было: в роще видели человека, тащившего труп девушки, в ухе которой была бриллиантовая серьга в виде кольца. К тому же единственная свидетельница явно чего-то недоговаривает. Приходится мисс Сильвер брать это дело в свои цепкие ручки и постепенно раскручивать запутанный клубок таинственных событий...

Патриция Вентворт

Кольцо вечности

© Patricia Wentworth, 1947, 1948

© Школа перевода В. Баканова, 2021

© Перевод. Е. Токарев, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Кольцо вечности

Глава 1

Мэгги Белл протянула руку и сняла телефонную трубку. Рука у нее была тонкая, немного костлявая, с выступающими костяшками пальцев, и двигалась она какими-то рывками. Все движения Мэгги отличались порывистостью. Ей было двадцать девять лет, однако она почти не выросла после того, что у нее в семье с некоей гордостью называли «несчастливым случаем». В двенадцатилетнем возрасте Мэгги попала под машину на деревенской улице.

Целыми днями она лежала на диванчике, придвинутом к окну в комнате над бакалейной лавкой мистера Биссета. Именно так он называл свое заведение, хотя на самом деле там продавалось множество товаров, которые едва ли можно отнести к бакалейным. Разумеется, бакалеей можно было назвать лакричные тянучки – сладость, давно исчезнувшую во многих уголках Англии и приготовляемую миссис Биссет по семейному рецепту, но к ней никак не относились шерстяные и кожаные вещи, развешанные на крючках по обе стороны от входа в магазинчик. Лук, помидоры, яблоки, груши и орехи по сезону вполне соответствовали названию заведения, однако висевшие в ряд хлопчатобумажные предметы рабочей одежды и лежавшие горкой крепкие мужские и женские ботинки красноречиво свидетельствовали о том, что Дипинг – это деревня, а бакалейная лавка мистера Биссета – своего рода местный универсальный магазин.

В погожие дни Мэгги глядела в окно над входом в лавку и могла лицезреть почти всех обитателей Дипинга. В большинстве своем они помахивали ей руками и здоровались с ней возгласами «Доброе утро!» или «Привет, Мэгги!». Миссис Эббот из Эбботсли никогда не забывала выказать Мэгги свое внимание. Она с улыбкой махала ей рукой, а полковник Эббот чуть поднимал голову и кивал. Но если их сопровождала мисс Сисели, то она взлетала по лестнице с книгой или журналом и немного задерживалась у обитательницы второго этажа. Мэгги очень много читала. Надо хотя бы чем-нибудь заниматься, когда целыми днями лежишь. Именно это твердила себе Мэгги, выросшая среди людей, ставивших

знак равенства между чтением и праздностью.

Мисс Сисели приносила ей прекрасные книги, однако не старалась поучать ее. Мэгги тотчас замечала подобные попытки и сразу же ставила им непреодолимый заслон. Ей нравились стародавние истории восхождения к успеху: о босоногом мальчугане, торговавшем на улицах газетами и ставшем миллионером; о ничем не примечательной девчушке, на которую никто и не посмотрит, что впоследствии становилась ослепительной красавицей или герцогиней. Она обожала хорошие детективы, где под подозрение по очереди попадали все друзья и враги убитого. Мэгги любила приключенческие романы, где герои осторожно шагают по веревочным мостикам или продираются сквозь болота, а на них в любую секунду готовы наброситься змеи, крокодилы, львы, тигры и гигантских размеров обезьяны.

Дом под названием Эбботсли, где проживало семейство Эббот, был в некотором роде сокровищницей. Миссис Эббот славилась своим утверждением о том, что владеет самой большой библиотекой макулатуры, в чем превзошла всех женщин Англии. «Это чтиво так успокаивает после двух партий книг о войне, не говоря уж о газетах, сделавшихся до ужаса дотошными и кишачими всякими подробностями – ну, вы понимаете, о чем я», – повторяла она.

Однако Мэгги не только читала. Устроившись на диванчике, она могла шить, но не очень долго. Ее мать была деревенской портнихой, поэтому Мэгги, разумеется, помогала ей как могла. Ей доставались пуговицы и петли, коклюшки и плетение кружев, а также разного рода отделка. Это составляло ее долю работы, которую она выполняла резкими движениями, однако весьма аккуратно. Миссис Белл была женщиной неглупой и сумела обеспечить себе множество заказов из богатых домов по всей округе. Всю войну она зарабатывала тем, что перешивала и перелицовывала целые залежи старых вещей, которые при иных обстоятельствах и не подумали бы извлечь из самых дальних уголков шкафов или сундуков. Ее с Мэгги триумфом стал день, когда миссис Эббот принесла свадебное платье престарелой леди Эвелин Эббот, чтобы узнать, можно ли его переделать для мисс Сисели. «Сегодня такой ткани и работы, конечно же, не сыскать, а Сисели просто обожает это платье. Сама я ни за что бы не захотела выйти замуж в бабушкином свадебном платье, но теперь это входит в моду, и к тому же платье, разумеется, просто замечательное», – сказала тогда миссис Эббот.

Комната заполнилась складками темно-кремового атласа. Это был длинный шлейф, украшенный вышитыми жемчугом розетками, однако само платье оказалось простым по покрою, чтобы оттенить красоту использованных в его отделке брюссельских кружев. Такой красоты Мэгги в жизни никогда не видела. От одной мысли прикоснуться к платью ее бросало в дрожь. Жаль, что мисс Сисели – ничем не примечательная, худенькая и смуглая. Да и забавно тоже. Вот полковник – симпатичный и представительный джентльмен, а миссис Эббот – не то чтобы красавица, но из тех, кого миссис Белл называла утонченными особами, умеющими щегольнуть своими нарядами. А Сисели – низкорослая и смуглая, с огромными карими глазами, в остальном – так, ничего особенного. И ей досталось дивное свадебное платье из кремового атласа. Впрочем, счастья оно мисс Сисели не принесло. Теперь вот она вернулась в Эбботсли, мистер Грант Хатауэй остался в Дипинге, и возникли слухи о разводе. Никто не знал, что уж там между ними произошло: прожили в браке три месяца, а потом раз – и разошлись! Даже Мэгги не знала, в чем там дело, а она знала почти все, потому что когда не шила и не читала, то подслушивала телефонные разговоры.

Дипинг обладал бесценным источником конфиденциальной информации – общей телефонной линией. Ею пользовались обитатели примерно дюжины домов, где были телефоны. Любой мог слушать разговоры соседей, просто сняв трубку. Это заставляло бы всех проявлять особую осторожность, однако давние приятельские отношения порождают равнодушие, если не презрение к подобным вещам. Трудно избавиться от иллюзии полной безопасности, когда говоришь по личному телефону у себя в комнате. Мэгги знала, когда лучше подслушивать, и ей удалось собрать немало интересного о множестве добропорядочных людей. Однако она так и не сумела выяснить, почему Сисели Хатауэй ушла от мужа. Ближе всего она подобралась к разгадке этой тайны однажды вечером, когда сняла трубку и услышала, как Грант Хатауэй произнес:

– Сисели...

Ответа не было так долго, что Мэгги принялась гадать, ответят ли Гранту вообще. Затем тихий голос холодно спросил:

– В чем дело?

Мэгги жадно прислушалась, вцепившись в трубку худенькими пальцами, кончик ее длинного остренького носа подрагивал от любопытства. Грант Хатауэй проговорил:

– Больше так продолжаться не может. Мне нужно тебя увидеть.

– Нет.

– Сисели!

– Мне нечего тебе сказать, а тебе нечего сказать мне.

– Вот тут ты ошибаешься. Я должен тебе очень многое высказать.

Снова повисла долгая пауза. Наконец Сисели Хатауэй ответила:

– Ничего не желаю слушать.

– Сис... Не глупи!

Сисели Хатауэй произнесла нечто очень странное:

– Глупец быстро расстаётся с деньгами. Можешь оставить их себе.

Потом раздался грохот, от которого буквально содрогнулась вся телефонная линия. Это мистер Грант с силой швырнул трубку на рычаг, поскольку, когда шум стих, Мэгги услышала, как в полутора километрах от нее, в Эбботсли, мисс Сисели судорожно выдохнула и тоже повесила трубку.

Похоже, ссора возникла из-за денег. Ну, денег у мисс Сисели много, она получила наследство от престарелой леди Эвелин после того, как та перессорилась со всей родней. А у мистера Гранта, как все знали, не было денег – только большое поместье да его сельскохозяйственные эксперименты, которые никак не окупались. Однако он был твердо уверен, что они начнут приносить доход.

Мэгги отстраненно подумала, что мисс Сисели досадила самой себе, желая насолить мистеру Гранту. Если мужчина женится на богатой невесте, то может рассчитывать что-то от этого получить, так ведь? Что бы там ни случилось, вот он – симпатичный и способный вскружить голову любой девушке. И вот мисс

Сисели – неказистая смуглая худышка. Если она не станет смотреть в оба, кто-нибудь быстро отобьет у нее мужа.

Мэгги поднесла трубку к уху и услышала, как женский голос с показавшимся ей забавным акцентом произнес:

– Мистер Хатауэй... Мне хотелось бы поговорить с мистером Хатауэем.

Глава 2

На следующий день, в субботу, Фрэнк Эббот был зван на чай к мисс Эльвине Грэй. Фрэнк проводил выходные у дяди и тети, к которым испытывал нежную привязанность. Полковник Эббот обладал таким поразительным сходством с его отцом, что Фрэнку порой чудилось, будто он приехал домой на каникулы, а к добродушной и зачастую непоследовательной в своих суждениях миссис Эббот он относился с должным чувством юмора. С Сисели они постоянно поддразнивали друг друга, пока она не вышла замуж и почти сразу словно оказалась по ту сторону стальной решетки. Похоже, никто не знал, почему ее брак расстроился. Моника Эббот жаловалась Фрэнку:

– Подумать только, уж матери-то она должна была рассказать все, что произошло, но я не добила от нее ни слова, ни единого словечка. Ну, кроме того, что она больше не желает его видеть и как скоро она может получить развод. А когда мистер Уотерсон объяснил ей, что развестись она не сможет, если только не откроется измена мужа или нечто вроде того – знаешь, Фрэнк, мне показалось, будто она вот-вот хлопнется в обморок. Мистер Уотерсон добавил, что Грант может развестись с ней из-за пренебрежения супружескими обязанностями, но не раньше, чем через три года, однако она с ним развестись не может, если он не предоставит ей на это веской причины. На что Сисели лишь сказала: «Не предоставит», – и тотчас вышла из комнаты. Конечно, было бы прекрасно, если бы она уехала на время, пока не уляжется скандал, однако она заявляет, с чего бы ей уезжать из родного дома. И я ее понимаю. Однако, дорогой мой Фрэнк, тут все ужасно запутано, а мы это еще усугубляем – по крайней мере, так мне кажется. Грант вообще не появлялся в церкви, ну, пока не начал ухаживать за Сисели. Ты же знаешь, она играет на органе. Семейство Гейнсфорд передало этот инструмент в дар церкви в память о сыне, погибшем в

1915 году. Орган просто прекрасный, а Сисели так хорошо играет. Наверное, из-за этого Грант и посещает церковь, он появляется там каждое воскресенье, а после службы подходит к нам так, будто ничего не случилось. Вот Сисели у церкви, конечно, с нами нет, потому что она все играет и играет, а он ее не ждет. Просто подходит к нам с Реджем и заговаривает, мы отвечаем, а все на нас тарачатся – ни малейшего воспитания у людей не осталось, – после чего уходит так быстро, будто он в сапогах-сороходах. Сис в церкви играет похоронный марш или нечто подобное, потом опаздывает к обеду. А это вернейший способ разозлить миссис Мэйхью вдобавок к тому, чтобы вообще ничего не есть. Вид же у Сисели потом такой, словно ей повстречалась толпа привидений. – Миссис Эббот на мгновение замолчала, чтобы перевести дух, и добавила: – Как бы мне хотелось столкнуть их лбами!

Сержант уголовной полиции Фрэнк Эббот вздернул светлые брови.

– Отчего же вы их не столкнете?

Миссис Эббот грустно усмехнулась:

– Они никогда не приближаются друг к другу. Однажды я прямо спросила Гранта, в чем же все-таки дело. Мы встретились на Мэйн-стрит, вокруг никого, и он поинтересовался: «Разве Сисели вам не рассказала?» Я ответила: «Нет, не рассказала». Тут он ответил: «Ничего не случилось, мадам», потом взял мою руку, поцеловал ее и добавил: «Тещи вне игры!» И что мне оставалось делать? Ты знаешь, он такой милый, а Сис, по-моему, просто дура – мне безразлично, что он там натворил. Я тоже повела себя неумно, расплакалась, а он одолжил мне носовой платок – мой всегда теряется в нужный момент. Боже мой, вот зачем я об этом заговорила? Глупость какая, когда я собираюсь на чай. О, дорогой мой, спасибо!

Фрэнк глядел, как миссис Эббот промокала глаза его аккуратно сложенным носовым платком. Когда она поднесла его к носу и пару раз высморкалась, Фрэнк заверил ее, что ни нос, ни глаза у нее не покраснели. Миссис Эббот как-то вымученно улыбнулась и принялась рассказывать племяннику о мисс Эльвине:

– Она дочь здешнего приходского священника. Он дожил до девяноста семи лет. Мисс Эльвина живет в домике, где раньше обитал церковный сторож, только теперь она называет его «Домом пастора». Он находится сразу за церковью, это

очень удобно, поскольку мисс Эльвина разводит цветы. Вот только лучше бы она этим не занималась, поскольку впихивает их в землю как попало, да еще питает особую страсть к ноготкам. Я не то чтобы против них, но не в сочетании с розовым душистым горошком, а с мисс Винни никогда не знаешь, что придет ей на ум. Она просто обожает розовый цвет, что, конечно же, неплохо, однако не надо перебарщивать. Подожди, ты еще ее комнату не видел!

Только они собрались выходить, как в саду показалась Сисели в сопровождении собак – старого спаниеля бурого с белым окраса и черной таксы с ласковыми глазами и хитренькими манерами, которую вели на поводке. В тот момент такса являла собой воплощение добродетели, поскольку ей накинута поводок еще на Мэйн-стрит, и она избежала привычного нагоняя за то, что охотилась за кошкой миссис Кэддл.

– Она постоянно ее гоняет, – произнесла Сисели, снимая поводок. – А ей это не нравится – миссис Кэддл, а не кошке, – так что я постоянно сажаю таксу на поводок, пока мы не пройдем мимо большого амбара. Кошка, разумеется, в полном порядке. – Сисели скорчила гримасу, которая сделала бы ее привлекательной, если добавить улыбку. – Кошки всегда в выигрыше, а эта полосатая драчунья – прямо тигрица какая-то. Сидит себе на заборе и потешается над Брамблом, а тот свирепеет. – Сисели сверкнула глазами в сторону Фрэнка, потом снова сделалась мрачной и повернулась к матери. – Когда я выходила, встретила миссис Кэддл – на ней лица не было.

Моника тотчас же продемонстрировала свое знание всех и вся:

– Сис, но ведь она сидит у мисс Винни до пяти часов вечера. Ты уверена, что это была именно миссис Кэддл?

Сисели издала резкий смешок. В последнее время она стала грубоватой и немного бесцеремонной.

– Конечно, уверена! Уже смеркается, но на улице не так уж и темно, чтобы кого-то не узнать, а тогда и подавно было светло. Она шла вверх по Мэйн-стрит, а я вниз. Вид у нее был такой, будто она все глаза выплакала. Похоже, из-за Альберта. Не представляю, как это его не убили или не искалечили на войне – иначе бы он не заявился сюда и не разбил сердце бедной Эллен. – Сисели снова повернулась к Фрэнку, глаза ее вдруг вспыхнули. – В доме у бабушки она была

старшей горничной, такая милая и покладистая женщина средних лет. А потом по уши влюбилась в водителя семейства Харлоу, служившего в спецназе, и у нее хватило дури выйти за него замуж. А теперь одному богу ведомо, что он задумал и что вытворяет, но выглядит она страшнее смерти. Ну разве женщины не дуры, а?

Она топнула ногой и внезапно ринулась прочь. Брамбл разразился громким лаем и кинулся за ней, старый спаниель неспешно последовал его примеру. Сисели бежала, пока не ворвалась к себе в комнату, захлопнув и заперев за собой дверь. Разумеется, без толку: ей снова пришлось ее открыть, чтобы впустить избалованного Брамбла, который в противном случае сидел бы у порога и скулил, пока над ним не сжалятся. Даже после столь недолгой разлуки псу показалось, что представился подходящий случай попрыгать, полаять и полизать хозяйку в лицо – это заменяло ему поцелуи. Самое плохое заключалось в том, что от этих проявлений нежности Сисели расплакалась. Она торопливо заперла дверь, потому что никто, никто не видел ее плачущей с тех пор, как ей исполнилось пять лет. Никто, кроме Брамбла, свернувшегося на кровати и моментально уснувшего, сделавшись похожим на черную улитку на зеленом стеганом одеяле. И уж конечно, плачущей ее не видел Грант.

Разумеется, он ее такой не видел. В ней снова вспыхнула жгучая злоба на него, моментально высушившая слезы. Он показал ей нечто невообразимо прекрасное, а потом все это растоптал. Нет, гораздо хуже: он ей это показал, а потом Сисели поняла, что все обернулось сплошным обманом. Она бы пережила потерю чего-то прекрасного. Но ее день и ночь мучило осознание того, что этого прекрасного у нее никогда не было.

Сисели расхаживала взад-вперед по комнате. Шторы были задернуты. Она включила прикроватную лампу. Лившийся из-под зеленого абажура свет сделал все вокруг похожим на подводное царство. Сисели будто бы и не вышагивала туда-сюда по комнате. Она словно снова гуляла с собаками, идя вверх по Мэйн-стрит и остановившись у большого амбара, чтобы посадить Брамбла на поводок.

Как раз в это время из задней калитки вышел Марк Харлоу. Сисели выпрямилась и увидела, как тот стоит в паре метров от нее и внимательно ее разглядывает.

– Вышла прогуляться? Немного поздновато, а?

– Я люблю гулять в сумерках.

– Когда вернешься, уже совсем стемнеет.

– А мне и в потемках нравится гулять.

– А мне вот нет. – И тут, как только Сисели вздернула подбородок, Марк рассмеялся: – Не мое дело? Похоже, ты права!

– Да.

Он приблизился и легонько тронул ее за плечо. Брамбл зарычал и потянул поводок: если вышли погулять, почему не гуляем?

Марк негромко произнес:

– Маленькая холодная гордячка – вот ты какая?

Сисели бросила на него мрачный взгляд:

– Да.

– Может, вместе пройдемся?

– Нет, Марк.

– Почему?

– Ты мне не нужен. И никто мне не нужен.

Он рассмеялся и повернул к калитке. Сисели двинулась дальше.

Пройдя немного дальше по улице, она спустила Брамбла с поводка и побежала рядом с ним. Старый Тамбл ковылял следом. Бегущий Брамбл представлял собой забавное зрелище. Уши у него развевались, он постоянно подпрыгивал, чтобы дальше видеть. Рядом могли находиться кролики, птицы, еще одна кошка,

какая-нибудь ласка или горностаи. А может, даже барсук – извечный враг его породы. В нем проснулась память бесчисленных поколений маленьких псов, натасканных на барсуков, и Брамбл с еще большей живостью стал нюхать воздух.

Сисели бежала легко и почти с такой же скоростью, как такса. Щеки у нее разругались. Она решила добраться до перекрестка Мэйн-стрит с шоссе, служившего границей между владениями Харлоу и Гранта Хатауэя. Собаки были давно приучены останавливаться на обочине шоссе и ждать ее команды: «Бегом марш!» Мэйн-стрит пересекала шоссе и тянулась до самого Лентона. Брамбл не мог взять в толк, почему им больше не командуют: «Бегом марш!» Они с Тамблом послушно замерли на обочине, но вместо того, чтобы пересечь шоссе, им пришлось повернуть обратно. Вот ведь скука какая. Тамбл, конечно же, не возражал. Он постарел, заплыл жирком и не особенно рвался гулять. Это Брамбл вечно не мог набегаться, а Сисели могла носиться вместе с ним, а потом со смехом остановиться и присесть, а пес тем временем прыгал от радости и все норовил куснуть ее за волосы.

Но теперь – никакого больше смеха, и у обочины они всегда поворачивают обратно. Вот и сегодня тоже. Солнце село, холодные сумерки сгущались над полями справа и слева, все плотнее окутывая две высокие живые изгороди, между которыми они шли. И тут позади них показался бесшумно и быстро мчавшийся на велосипеде Грант Хатауэй. Он поравнялся с ними до того, как они его услышали. Промчался чуть вперед, спрыгнул с велосипеда, прислонил его к живой изгороди и сделал несколько шагов навстречу приветливо сопевшему и повизгивающему Брамблу и совершенно неприветливой Сисели.

Муж и жена смотрели друг на друга, припоминая все, что было между ними. Молодой мужчина, широкоплечий, с легкими движениями, ни черноволосый, ни белокурый – перед Сисели стоял типичный англичанин с каштановыми волосами и серо-голубыми глазами. На вид он казался сильным и производил впечатление вспыльчивого человека. К тому же он был из тех, кого Моника метко назвала «порочно красивыми». Однажды она заметила: «Мужчинам незачем быть сердцеедами – у них и без этого полные рукава тузов». У Гранта Хатауэя таких тузов было слишком много. Будь их поменьше, Сисели, вероятно, было бы легче его простить. Глядя на нее, он улыбался. Когда Сисели мерила шагами спальню, ей становилось нестерпимо больно оттого, что от его улыбки у нее все так же замирало сердце. Из какого же негодного и презренного теста ты сделана, если простая улыбка способна такое с тобой творить? Когда все кончено, когда

знаешь, что вообще ничего не было, стоит ему только улыбнуться, и сердце у тебя начинает трепыхаться, будто выброшенная на берег рыба.

Грант стоял, с улыбкой глядя на нее, а потом спросил:

– Ну, Сис, как дела?

Она промолчала. Да и что говорить? Все уже давно сказано. Здесь Мэйн-стрит сужалась. Грант перегораживал ее почти целиком. Если он захочет ее остановить, обойти его не удастся, а если он ее коснется... если коснется...

Ей все-таки придется что-то говорить, поскольку, если он к ней прикоснется, она вряд ли сможет ручаться за свои действия. Какой же это ужас – чувствовать, что все может ускользнуть, и ты превратишься в дикаря, порождение первозданной природы, и станешь вести себя, как дикарь: царапаться, кусаться, рвать зубами и руками. Сисели произнесла ледяным тоном:

– Мне нечего тебе сказать.

– Неудивительно, что я женился на тебе, на женщине, которая не огрызается в ответ!

Вскоре она нашла, что сказать, использовав никогда не подводившее ее оружие:

– Но ты ведь не поэтому на мне женился, верно? У тебя была более веская причина.

Грант по-прежнему улыбался.

– Какой же я тупой. Я из-за денег на тебе женился, нет? Постоянно забываю – ведь такое легко забыть, да?

Он прекрасно знал все ее самые уязвимые места. А оружие Сисели не сработало, потому что Гранту было безразлично. Он потерял всякий стыд и легко обо всем забывал. Сисели с яростью прошептала:

– Дай мне пройти!

Он рассмеялся:

– Я тебе не мешаю!

Когда она шагнула вперед, Грант наклонился и легонько схватил Брамбла за загривок.

Словно Грант коснулся ее самой, Сисели бросила поводок и прошла мимо, не оглянувшись. А Грант тем временем трепал Брамбла за уши, обрушил на него град глупых, но знакомых прозвищ, после чего отпустил пса с возгласом: «Беги, чернявый мышонок!»

Сисели в нерешительности остановилась, затем, не оборачиваясь, крикнула: «Брамбл!» – и пес бросился следом, таща за собой поводок.

Вот и все, но этого оказалось более чем достаточно. Сисели по-прежнему мерила шагами свою комнату.

Глава 3

Моника и Фрэнк шли по Мэйн-стрит. Сгустились сумерки, и скоро станет совсем темно. Они прошагали всю деревню, свернули направо и оказались около церкви. Дом мисс Эльвины находился на самой окраине, чуть дальше за храмом. Это была старая постройка, черные потолочные балки в гостиной возвышались над плитами пола чуть выше метра восьмидесяти. Мисс Эльвина, посчитав интерьер чересчур мрачным, перекрасила балки в ярко-розовый цвет, с огромным удовольствием совершив это святотатственное действие, стоя на шатком кухонном стульчике. Результат целиком и полностью соответствовал ее хвастливому утверждению, что комната стала значительно светлее. Подоконник она не перекрашивала, а навалила на него гору розовых подушек. Розы размером с кочаны цветной капусты украшали обивку дивана и трех отделанных декоративным ситцем стульев, а шторы, чуть укороченные после долгой службы в гостиной пастора, сохранили на удивление свежий цвет светло-вишневых

полос на несколько поблекшем голубом фоне. Стены комнаты не вмещали все драгоценные картины, некогда висевшие в более просторном доме, но мисс Эльвина сделала все, чтобы им хватило места. Резное украшение над каминной полкой с искусно выжженными по дереву узорами помогало выставить на всеобщее обозрение как можно больше фотографий и всяких безделушек. Поскольку на дворе был январь, дивные алые герани в розовых и голубых глазурованных горшках, украшавшие комнату летом, уступили место букетикам оранжевых бессмертников, которые мисс Эльвина в изобилии выращивала у себя в садике.

Сама мисс Эльвина надела розовую блузку с серой юбкой и жакетом, в его петлицу вставила подвявшие матерчатые розы. Ее густые седые волосы торчали во все стороны из-под черной фетровой шляпки, которая, как и шторы, являлась наследницей прошлого. Никто из деревенской молодежи никогда не видел мисс Эльвину в другой шляпке. Сисели вспоминала, что шляпка выглядела так же, как и теперь, когда ее, семилетнюю или восьмилетнюю девчушку, угостили розовыми леденцами за достойное поведение в церкви. Волосы, которые шляпка должна была прикрывать, в те времена выбивались из-под нее столь же буйно, как и теперь. Под шляпкой и непокорными волосами виднелось небольшое личико с правильными чертами, сверкающие голубые глаза и такой маленький рот, что люди невольно удивлялись, как мисс Эльвине удастся принимать пищу.

Фрэнк все это подметил, когда обменивался рукопожатием с хозяйкой дома, осторожно выпрямляясь после поклона на той случай, если потолочная балка окажется на высоте менее метра восьмидесяти. Он с облегчением опустил на стул, а мисс Эльвина быстро заговорила на тему, к которой он уже привык, однако она вызывала у него дикую скуку.

– Как интересно узнать, что вы служите в Скотленд-Ярде. Нам всем нужно тщательно следить за своими словами и действиями, иначе вы нас арестуете. – Хозяйка рассмеялась своим высоким, похожим на птичий голосом, а потом внезапно закашлялась.

Она давно и хорошо знала семейство Эббот, но их племянник явился к ней на чай впервые, и при ближайшем рассмотрении мисс Эльвина заметила нечто обескураживающее в его ненавязчивой элегантности. Светлые, безукоризненно зачесанные волосы, ясные светло-голубые глаза и, конечно же, элегантный костюм. Мисс Эльвина умела подмечать детали, в том числе и самые незначительные. Она обратила внимание на носки, галстук, носовой платок,

безупречный покрой пиджака и просто прекрасные ботинки. Он совсем не похож на полицейского. Перед ее внутренним взором возник образ Джозефа Тернберри – деревенского констебля, неуклюже топавшего ногами. Разумеется, он весьма достойный молодой человек, обладает приятным баритоном, поет в церковном хоре. Мисс Эльвина уважала Джозефа, которого в свое время учила в воскресной школе, но на какой-то момент его образ лишь усилил охватившее ее смятение. Щеки ее порозовели, и она с облегчением повернулась к миссис Эббот, которая приносила извинения за своего мужа с отработанными долгими годами практики непринужденностью.

– Счета от портного, мисс Винни, – он опять откладывал их до крайнего срока. Уверена, вы меня поймете.

Мисс Эльвина прекрасно ее понимала. Все обитатели Дипинга знали, что полковник Эббот наотрез отказывался посещать чаепития. «Вздор несусветный! Без меня вам будет куда вольготнее перемывать друг другу косточки». Почти все слышали эти его слова, однако продолжали соблюдать общепринятые правила поведения. Полковника часто приглашали, и если его не отвлекали счета от портного, то всегда что-нибудь находилось: осенняя уборка в саду, зимняя обрезка деревьев или весенняя посадка. Еще надо было выгуливать и дрессировать собак – да мало ли достойных поводов отказаться от гостеприимства. Миссис Эббот чередовала их с очаровательным добродушием и любезностью.

Когда тему с полковником Эбботом закрыли, Моника смягчила слова Сисели «не желаю идти гурьбой со всеми» до «она опасалась, что мы доставим вам чересчур много беспокойства». После этого мисс Винни перешла к чайному столику и стала разливать жидкость соломенного цвета из огромного «викторианского» чайника по своим лучшим чашкам из тончайшего фарфора. Ручек у них не было, и питье из них представляло собой чрезвычайно затруднительное действие. Если чай горячий, то обожжешь пальцы. Если чашка не обжигала пальцы, это означало, что чай превратился в тепловатую жижицу, не только по виду напоминавшую настой соломы, но и вкус имевшую такой же. Фрэнк, как и все остальные гости-мужчины, пребывал в нерешительности. С одной стороны, он не мог отделаться от навязчивой убежденности, что просто невозможно не раздавить или не уронить такую хрупкую чашку. С другой стороны, его одолевал неодолимый искушение поскорее покончить с церемониями и просто перевернуть чашку.

Мисс Эльвина сообщила ему, что этот чайный сервиз прибыл из Китая в качестве подарка ее прабабушке.

– Вот только она не вышла замуж за джентльмена, который преподнес ей сервиз, поскольку познакомилась на охотничьем балу с моим прадедушкой. Они поженились ровно через месяц, что нарушало тогдашние приличия, но мой прадедушка отличался чрезвычайной пылкостью натуры. Они прожили вместе шестьдесят лет, у них было пятнадцать детей, и за все это время они слова грубого друг другу не сказали. Можно увидеть их общий могильный камень, если выглянуть из маленького оконца в дальнем углу комнаты, но не сейчас, потому что совсем стемнело. Надеюсь, вы не возражаете, что мы сидим при свете и незадернутых шторах. Я сама и раньше-то не особо обращала на это внимания, но теперь мне это нравится, поскольку означает, что война закончилась, не надо больше думать о том, что нужно соблюдать затемнение, и это так радостно! И конечно же, живя на окраине деревни, я считаю, что любому, кто идет от общинного поля, отрадно увидеть огонек: это такая мрачная и пустынная дорога, особенно там, где она тянется сквозь Рощу Мертвеца!

Фрэнк Эббот справился с искушением, поставив на стол пустую чашку.

– И кто же был этот мертвец? – поинтересовался он.

Мисс Эльвина сунула ему в руки тарелку с булочкой домашней выпечки и подлила чаю соломенного цвета. Булочка была с тминной начинкой и полита розовой сахарной глазурью.

– Ну, это довольно жуткая история, мистер Фрэнк, однако она, разумеется, произошла давным-давно, так что все ее участники умерли. Звали того человека Эдвард Бренд, он приходился какой-то дальней родней семейству Томалин, владевшему Диргерст-парком по ту сторону общинного поля. Их уже нет в живых, а их могилы можно увидеть рядом с церковью. Они владели всеми землями до дороги через общинное поле и разрешили этому Эдварду Бренду обосноваться в так называемом Доме лесника, что стоит прямо посреди леса. Никто не знал, откуда он сюда явился и почему ему разрешили там жить. Был он очень высокий и худой, с длинными иссиня-черными волосами, стянутыми на затылке тесьмой. Это происходило в восемнадцатом веке, тогда почти все носили напудренные парики, но у Эдварда Бренда были свои длинные черные волосы. Жил он в Доме лесника совершенно один, и через какое-то время никто

уже не решался даже близко подойти к его жилищу, особенно в темноте. Поговаривали, будто он занимался колдовством. Люди в ту пору были очень суеверны... Дорогая миссис Эббот, позвольте, я налью вам еще чаю. И вы обязательно должны попробовать мое клубничное варенье. В этом году Эллен Кэддл сварила его по новому рецепту, и варенье у нее получилось дивное.

Миссис Эббот ответила:

– Просто объеденье. По-моему, Эллен прямо колдунья. У своего варенья я такого вкуса добиться не могу. Однако продолжайте, расскажите Фрэнку, как Эдвард Бренд стал Мертвецом.

– Если вы считаете эту тему пристойной за чайным столом... – замялась мисс Эльвина и повернулась к Фрэнку. – Так вот, слухи поползли один страшнее другого. Даже проходившие по общинному полю утверждали, что на них нападали летучие мыши, что они слышали совиное уханье, а иные уверяли, что звуки эти скорее напоминали человеческие голоса. Все решили, что в Доме лесника творится нечто жуткое и ужасное. В конце концов пошли разговоры об одной пропавшей девушке, однако лишь позднее выяснилось, что она сбежала из дома, не поладив с мачехой. Все считали, что Эдвард Бренд причастен к этому исчезновению. Она была совсем девчонкой, ей едва четырнадцать минуло. Все сразу заволновались за детей и отправились в лес, чтобы сжечь Дом лесника. Мой отец рассказывал, что, когда он был мальчишкой, старый церковный сторож, живший в этом доме, однажды признался ему, что его дед был среди тех, кто отправился из Дипинга, намереваясь призвать Эдварда Бренда к ответу. Он сообщил, что пришедшие обнаружили совершенно пустой дом, они не нашли там ни одной живой души, лишь все окна и двери были распахнуты настежь. В доме висело великое множество зеркал, их все до единого перебили, посрывали с петель двери и ушли восвояси. К дому дороги не было, лишь еле заметная тропинка, которую любой мог протоптать. Дорога через общинное поле от Дома лесника очень далеко. Когда деревенские вышли на нее в том месте, где она тянется в лес, они внезапно наткнулись на тело Эдварда Бренда, висевшее на длинной прямой ветви. Труп зарыли на перекрестке, где дорога сворачивает с общинного поля, рядом с церковной оградой. В то время самоубийц хоронили именно так. Дом лесника до сих пор стоит в лесу, только в нем никто не живет и даже близко к нему не подходит. А место, где нашли висевшее тело Эдварда Бренда, стали называть Рощей Мертвеца.

Внимание Фрэнка Эббота привлекла не столько сама история, сколько то, что во время ее изложения говорливая натура мисс Эльвины как бы отступила на второй план. У него создалось впечатление, что хозяйка дома рассказывает ему легенду в таком виде, в каком услышала ее сама – без каких-либо прикрас или добавлений. Фрэнк не сомневался, что слышит от мисс Эльвины ровно те же слова, что говорил ей отец, а тому – старый церковный сторож, чей дед самолично видел тело Эдварда Бренда, висевшее на дереве в Роще Мертвеца. Все это вполне соответствовало традициям народного фольклора, передаваемого из уст в уста, – весьма распространенное явление в жизни сельчан, хотя и не в такой степени, как раньше. Фрэнк подумал, что эта история может быть интересна мисс Сильвер, и решил впоследствии пересказать ей легенду.

Тем временем чаепитие шло своим чередом. Часы пробили половину шестого, потом без четверти шесть. Похоже, у Моники и мисс Эльвины нашлось множество тем для беседы. Фрэнк подметил, что в деревне всегда было много о чем поговорить, поскольку рано или поздно что-то произошедшее становилось известно всем, после чего делалось предметом досконального обсуждения, пока не случалось что-нибудь еще. Разумеется, порой вообще ничего не случалось. Тогда к сплетням добавлялся пикантный элемент двусмысленности и загадочности. Поскольку многие обитатели Дипинга являлись для него лишь безликими именами, они не вызывали у него какого-то особого интереса, хотя кое-что из их жизни ему впоследствии придется вспомнить. Вот мисс Эльвина возмущалась, что Мэгги Белл постоянно подслушивает чужие телефонные разговоры:

– Всем известно, что она этим занимается, и, по-моему, давно пора кому-нибудь побеседовать с Мэгги или с миссис Белл!

Моника снисходительно ответила:

– Бедняжка Мэгги, у нее в жизни так мало радостей. Если ее развлекает то, как я заказываю в Лентоне рыбу или договариваюсь о приеме у стоматолога – ну и пусть. Не хотелось бы лишать ее этого невинного удовольствия.

Мисс Эльвина немного разгорячилась, и, вероятно, чтобы переменить тему, Моника Эббот завела разговор о миссис Кэддл. Фрэнк догадался, что это та самая Эллен, которая варит восхитительное клубничное варенье и, похоже, является приходящей домработницей мисс Винни.

– Нынче после обеда Сисели встретила ее, когда возвращалась после прогулки с собаками. Похоже, она целый день их выгуливала. Сис сказала, что Эллен выглядела просто ужасно, будто все глаза выплакала. Что-нибудь стряслось?

Хозяйка дома затарахтела с новой силой:

– Вот я то же самое у нее спросила, миссис Эббот. Как вам известно, она приходит в девять – завтрак я готовлю сама, – и как только я ее увидела, сразу спросила: «Господи, Эллен, что случилось? Ты словно все глаза выплакала». Именно так я и сказала, и именно так она и выглядела. Но она отговорила тем, что у нее голова болит. Тогда я посоветовала ей вернуться домой и полежать. Эллен ответила, что лучше поработает, и я попросила, чтобы она заварила себе чаю покрепче. Однако после обеда вид у нее стал еще хуже, и я отправила ее домой. Знаете, Эллен может что угодно болтать о головной боли – позволю себе заметить, голова у нее действительно могла болеть, ведь от слез она просто раскалывается, так ведь? Но у нее отнюдь не в первый раз такой вид, словно она всю ночь плакала. Между нами говоря, я боюсь, что дома у нее совсем неладно. Может, Альберт Кэддл и вправду очень хороший водитель – полагаю, так оно и есть, – но с ее стороны было глупо выходить за него замуж: он моложе нее, да и в наших краях почти чужой человек. Однако сплетничать нехорошо, так ведь? – Она повернулась к Фрэнку и пояснила: – Муж Эллен служит водителем у мистера Харлоу, что живет у большого амбара, там же он частенько ужинает. Точнее, он поступил шофером к старому мистеру Харлоу после того, как демобилизовался, а когда в прошлом году мистер Харлоу скончался и все дела перешли к его племяннику мистеру Марку, Альберт начал его возить. Сам мистер Марк нечасто садится за руль, что странно, поскольку он весьма молодой человек. Вы не знаете, с чего бы это, миссис Эббот? Марк ведь дружит с Сисели, так ведь?

Моника Эббот тотчас разозлилась, что случилось всегда, когда кто-нибудь упоминал рядом имена молодого Харлоу и Сисели. Ситуация усугублялась тем, что Моника никоим образом не должна была показывать, что злится. Она улыбнулась и самым добродушным тоном ответила:

– Уж не знаю, дружат они или нет, – он просто хороший знакомый. Он так часто и надолго уезжает, что мы видим его меньше, чем следовало бы. Я понятия не имею, почему Марк не садится за руль, однако вы же сами могли бы у него спросить, не так ли?

Часы на колокольне пробили шесть. Мисс Эльвина немного смутилась.

– О, я бы и не помыслила! Это показалось бы... в высшей мере бестактным.

– Наверное, – кивнула Моника Эббот.

Мисс Эльвина продолжила развивать тему:

– Я все-таки спросила об этом у Эллен Кэддл. Не хочу сказать, что она стала бы распространяться о делах мистера Харлоу, но я однажды поинтересовалась у нее, не знает ли она, а вдруг мистер Харлоу страдает... куриной слепотой... похоже, это так называется. Поскольку днем он водит машину сам и, конечно же, иногда и ночью. Эллен ответила, что ничего не мешало бы ему водить автомобиль, если бы он пожелал, но мне просто хотелось знать, на самом ли деле у него куриная слепота. Ею страдал старый мистер Толли: его жене приходилось садиться за руль, если наступали сумерки или становилось совсем темно, а вот днем он видел просто прекрасно. У мистера Харлоу, разумеется, прекрасное зрение, вам так не кажется? И он такой симпатичный.

– Он просто хороший знакомый, – заявила миссис Эббот не терпящим возражений тоном. Потом вдруг резко повернула голову. – Что это? Похоже, кто-то бежит.

Фрэнк Эббот целую минуту слышал звук торопливых бухающих шагов, прежде чем Моника повернулась на шум. Теперь его слышали все – топот отчаянно, изо всех сил бегущих ног, постоянно спотыкавшихся. Он доносился со старой тропы, ведущей с общинного поля и дальше через дорогу. Потом раздались чьи-то судорожные вздохи, лязгнула распахнутая настежь калитка. Не успели они дойти до входной двери, как в нее лихорадочно забарабанили, и женский голос провизжал:

– Убивают! Откройте дверь, впустите меня!

Два или три дня спустя Фрэнк Эббот, сдавший вечером дежурство, сидел, удобно устроившись в одном из викторианских кресел мисс Мод Сильвер с ярко-синей обивкой и гнутыми ножками орехового дерева. Он посмотрел на хозяйку, тихо вязавшую в кресле по другую сторону от камина, и прервал свой рассказ словами:

– Знаете, это точно по вашей части. Как жаль, что вас там не было.

Мисс Сильвер позвякивала спицами. Детская кофточка чуть-чуть поворачивалась. Хозяйка негромко кашлянула и произнесла:

– Дорогой Фрэнк, прошу тебя, продолжай.

Он по-прежнему смотрел на нее чуть иронично, его взгляд не мог скрыть искреннюю привязанность и глубокое уважение. От подстриженной по моде начала двадцатого века челки, аккуратно убранный под сетку для волос, до черных шерстяных чулок и украшенных стеклярусом лакированных туфель мисс Сильвер являла собой великолепный образец женщины того типа, который теперь стал чрезвычайно редок. Она словно сошла со страниц семейного альбома: дальняя родственница, старая дева со скудными средствами, но твердым характером. Или же, если присмотреться, – незаменимая строгая гувернантка, чьи воспитанники, отдавая ей должное на протяжении своей взрослой жизни, никогда не забывают, чем они обязаны ее поучениям.

Однако никто бы не догадался, что мисс Мод Сильвер, проработав двадцать лет школьной учительницей, оставила педагогическое поприще и стала весьма преуспевающей частной сыщицей. Но сама она свое новое занятие подобным образом не описывала. Мисс Сильвер оставалась истинной леди, благовоспитанной, утонченной и находила слово «сыщица» противоречащим ее статусу и воспитанию. На ее визитной карточке фигурировали слова:

«Мисс Мод Сильвер

Монтегю-Мэншнс, 15».

А в правом нижнем углу скромно стояло словосочетание «частный детектив».

Ее новая профессия обеспечила ей скромное, но комфортное существование, а также дала возможность обзавестись великим множеством друзей. Их фотографии заполняли всю каминную полку и пару небольших столиков. Там было много молодых людей и девушек и несколько пухлощеких карапузов в старомодных серебряных, деревянных с резным узором и изысканно выполненных рамках с подложкой из плиса.

Когда мисс Сильвер оглядывала свое жилище, ее сердце всегда переполнялось благодарностью провидению не только за то, что оно позволило ей окружить себя таким комфортом, но и за то, что ей и ее скромному имуществу удалось почти без потерь пережить шесть ужасных военных лет. Однажды в конце улицы взорвалась бомба. У мисс Сильвер вылетели все стекла, осколками довольно сильно посеколо одну из синих плюшевых портьер. Однако бесценная служанка Эмма так аккуратно починила портьеру, что даже сама с трудом могла определить, где же проходят швы. Ковер такого же павлинье-синего цвета, что и портьеры, обильно обсыпало пылью и каменной крошкой, но из чистки он вернулся ярким, как новенький. Картины мисс Сильвер и вовсе не пострадали. «Надежда» все так же всматривалась завязанными глазами в какую-то потаенную мечту. «Черный брауншвейгский гусар» навеки прощался со своей невестой. Чудесная монахиня кисти сэра Джона Милле по-прежнему умоляла о «Милосердии» на картине, которую все называли «Гугенотом». «Мыльные пузыри» продолжали напоминать о преходящих радостях бытия. Уютно, очень даже уютно – таково было неизменное заключение мисс Сильвер. И все в целости и сохранности по воле провидения.

Она повторила:

– Прошу тебя, продолжай, дорогой Фрэнк.

– Так вот, как я уже говорил, это по вашей части. Некая девушка колотила в дверь и кричала: «Убивают!» А когда ее впустили, сразу упала в обморок. Девушка симпатичная и, по моему мнению, весьма живого нрава, только когда не перепугана до смерти.

– А твоя тетя и мисс Грэй знают ее?

– Да. Зовут ее Мэри Стоукс. Она демобилизовалась из службы воздушного наблюдения и оповещения и теперь помогает своему дяде на ферме по ту

сторону общинного поля. Довольно хорошенькая, как я уже сказал. Немного глуповата. И еще – не скажу наверняка, но у меня создалось впечатление, что за всем этим визжанием и паданием в обморок что-то скрывается.

– С чего ты взял?

– Она очень быстро пришла в себя, и мне по каким-то неуловимым признакам показалось, что она что-то соображала. Возможно, я ошибся: девушки такие странные и непонятные. Но вы-то их, конечно, насквозь видите. Жаль, что вас там не было. Так вот, Моника и мисс Грэй привели ее в чувство, она поохала, поахала, а потом рассказала следующее. У ее дяди ферма по ту сторону общинного поля, называется она фермой Томлинс. В свое время все земли оттуда и до Дипинга принадлежали семейству по фамилии Томалин. Его представители давно умерли, а название фермы осталось. Фамилия этого фермера – Стоукс, такая же, как и у племянницы. Так вот, племянница направлялась в Дипинг по дороге, о которой я вам уже рассказывал, – той, что тянется через Рощу Мертвеца.

Мисс Сильвер кашлянула.

– А она пошла бы именно этой дорогой?

Фрэнк поднял брови.

– Это самый короткий путь.

– А другая дорога есть?

– Да. Она немного длиннее и заканчивается дальше, почти на противоположной окраине деревни. По ней можно проехать на машине. Никто в здравом уме не поведет автомобиль более коротким путем, однако смею заметить, что и такое случалось – ненормальных на дорогах хватает. В общем, это одна из причин, по которой я счел, что Мэри Стоукс может что-то скрывать. Полагаю, местные обитатели вовсе не горят желанием ходить через Рощу Мертвеца в темноте.

Мисс Сильвер звякнула спицами.

– А было темно?

Фрэнк пожал плечами.

– Хоть глаз выколи. Начало седьмого пасмурным январским вечером.

– Продолжай, Фрэнк!

– Итак, вот что она рассказала. Дорога эта ведет к Роще Мертвеца, довольно густому леску. Мэри Стоукс что-то услышала и свернула с тропы в кусты. На вопрос, почему, она ответила, что испугалась. Когда ее спросили, чего именно она испугалась, Мэри Стоукс заявила, что не знает, ей просто показалась, будто она слышала какие-то звуки. Подобные вопросы можно задавать долго и получать ответы, которые не позволяют продвинуться ни на шаг. Когда она очень долго таскала местного констебля вокруг тутовых кустов, мое терпение лопнуло, и я предложил все-таки перейти к существу происшествия!

Мисс Сильвер впиалась в него внимательным взглядом.

– Тебе не показалось, что она пыталась выиграть время – сосредоточиться или, возможно, придумать, что говорить дальше?

– Это приходило мне в голову, особенно когда она в очередной раз пустилась в долгие рыдания. Когда Мэри привели в чувство, она заявила, что снова услышала шум: на сей раз это были шаги и шорох, словно по земле что-то волокли. Эти звуки перемещались рядом с ней в сторону тропы, потом она увидела луч фонарика, мужскую руку почти до плеча и то, что мужчина тащил. Мэри сказала, это было тело убитой девушки, и поэтому она бросилась бежать, не разбирая дороги.

Мисс Сильвер быстро работала спицами. Она держала их низко, как это делают в Европе, и почти не смотрела на вязание.

– Вот так так!

– Да уж, так и перетак!

– Что за выражение, дорогой Фрэнк!

– Беру его обратно. Да, нас ждет труп. Мэри Стоукс говорит, что он принадлежал молодой женщине, незнакомой ей, со светлыми волосами и жуткой раной на голове. Мэри была уверена, что с такой раной не выживет никто. Она добавила, что волосы свисали вниз и закрывали почти все лицо. Также описала одежду погибшей: черное пальто, черные перчатки, головного убора не было и... Вот эта деталь нас всех заинтриговала: сережка в ухе, причем необычная и бросающаяся в глаза.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Похоже, Мэри Стоукс разглядела довольно много. По твоим словам, она утверждает, что волосы девушки закрывали ее лицо. Странно, что она заметила сережку.

– Дальше начинаются еще более странные вещи! Мэри Стоукс говорит, что мужчина перевернул тело девушки и принялся искать вторую сережку, которой на месте не оказалось. Мэри заявляет, что он походил на сумасшедшего, виляя фонариком в разные стороны и ощупывая волосы жертвы.

– Вот ведь ужас какой! – ахнула мисс Сильвер.

– Да. Не сумев найти вторую сережку, он бросил труп на землю и скрылся в лесу, а Мэри Стоукс выбралась из кустов и со всех ног бросилась прочь. Затем мы вызвали местного констебля, прекрасного добродушного парня, и отправились осмотреть место происшествия. Мэри снова упала в обморок, а я отправился в Эбботсли за своей машиной. Вот как я узнал, что значит ездить по этой дороге, пополнив число решившихся на это дураков. Когда мы привезли Мэри на место, никакого трупа там не было. У нее постоянно кружилась голова, несмотря на резкий и пронизывающий ветер, а когда дело дошло до указания точного местоположения трупа, она начала путаться. Просто ответила, что зашла в рощу, но не очень далеко, точно она не знала, ведь было слишком темно, чтобы определить наверняка, так что нельзя ли ей вернуться домой к дяде? Потом начались стенания, причитания и рыдания. Я ответил, что нельзя, тут как раз подоспел окружной инспектор из Лентона, который авторитетно подтвердил мои слова. Мы там все обыскали, но ни вечером, ни утром при свете не обнаружили ни малейших следов того, что сквозь кусты что-то волокли. Чуть

дальше в лесу тянется канава, где обязательно должны были остаться следы: у нее мягкие края и влажное дно. Тщательно осмотрев все вокруг, мы не нашли ровным счетом ничего, кроме отпечатков ног самой Мэри на небольшой прогалине и ведущей в лес тропе. И никаких признаков того, что там что-то тащили. Похоже, Мэри выбралась из кустов на тропинку, как она и говорит, а потом бросилась наутек. Два самых четких отпечатка, конечно же, следы ног бежавшего человека: мыски глубоко вдавлены, а каблуки едва заметны. До сегодняшнего дня это было единственным подтверждением ее показаний. Никаких следов трупа ни на тропинке, ни в лесу, и никаких признаков того, что он вообще там был.

Мисс Сильвер опять кашлянула.

Исчезновений людей в ближайшей округе не замечено. Сережка не обнаружена.

– Это вторая из пары, по твоим словам, необычная и бросающаяся в глаза?

– Да. Вам известны серьги, которые называют «кольцами вечности»?

Хозяйка дома улыбнулась:

– Старая мода возвращается. Это круглые серьги, по всей поверхности усеянные маленькими драгоценным камнями. Чрезвычайно красивые, но весьма непрактичные. К сожалению, камешки оттуда часто выпадают.

– Я всегда говорил, что вы знаете все на свете. А вы сами когда-нибудь видели подобные серьги?

– Нет. Понимаешь, у серьги должен быть замочек с дужкой, иначе в ухо ее не вденешь.

Фрэнк рассмеялся:

– Об этом я как-то не подумал! Но, полагаю, можно устроить так, чтобы вы взглянули на такую серьгу. Мэри Стоукс клянется всеми святыми, что видела в ухе убитой девушки именно «кольцо вечности», усыпанное бриллиантами.

Мисс Сильвер продолжала вязать. Ее узкое лицо с небольшими и приятными чертами выражало сосредоточенность, она была вся внимание. Через пару секунд она произнесла:

– По-моему, ты еще что-то хотел рассказать.

Фрэнк кивнул:

– Когда я уезжал в воскресенье вечером, в Дипинге возникли две основные версии происшедшего. По одной из них, Мэри Стоукс просто морочит всем голову. Ей страсть как хочется быть на виду. Это вроде эксгибиционизма, вот только в деревне его называют простым словом «выпендрей». Предположение вполне правдоподобное, оно стыкуется со всем, кроме отпечатков бегущих ног. Согласно другой версии, которой придерживается меньшинство, Мэри говорит правду, вероятно, со свойственной женщинам эмоциональностью преувеличивая жуткие подробности. Однако никакого трупа не было, та девушка или женщина просто встала и ушла после того, как мисс Стоукс с визгом бросилась бежать по тропинке.

– Прошу тебя, продолжай. Ты говорил, что до сегодняшнего дня...

– Да, да. Примерно в половине пятого мы получили сообщение из Хэмпстеда. Какая-то женщина заявила, что исчезла ее квартирантка – ушла в пятницу и до сих пор не вернулась. Описание пропавшей: молодая женщина лет тридцати, белокурые волосы до плеч, светло-карие глаза, среднего роста и худощавого телосложения. Одета была в черное пальто и черный берет, оба по последней моде. Светлые чулки, черные туфли. И большие серьги-обручи, «усыпанные мелкими бриллиантами, как «кольца вечности».

Глава 5

Наступило молчание, длившееся совсем недолго, поскольку оно было буквально пронизано неподдельным интересом мисс Сильвер. Когда она заметила: «Поистине странное совпадение», Фрэнк Эббот рассмеялся:

– Вы верите в подобные совпадения? Я – нет.

Мисс Сильвер вернулась к вязанию.

– Мне доводилось наблюдать за странными совпадениями.

Фрэнк снова засмеялся.

– Столь же странными, что и это?

Хозяйка уклонилась от прямого ответа и продолжила:

– Кто же эта пропавшая женщина? Хозяйке наверняка известно о ней немного больше того, что та носила черное пальто и весьма необычные серьги.

– Ну, похоже на то, что знает она не очень много. Я съездил побеседовать с ней, и вот вкратце суть ее показаний. Пропавшая женщина прожила у нее не очень долго – чуть менее месяца. Зовут ее миссис Луиза Роджерс. Говорила она с легким иностранным акцентом. Рассказала миссис Хоппер – это хозяйка, – что по рождению она француженка, но в свое время вышла замуж за англичанина, который умер. Разговаривала квартирантка вежливо, к себе никого не приводила и за жилье платила точно в срок. Как-то раз она обмолвилась миссис Хоппер, что в былые времена ее семья была очень богатой, однако лишилась всего во время войны. Потом лицо ее сделалось загадочным, и она добавила: «Наверное, я смогу что-нибудь вернуть, кто знает? Вот поэтому-то я и приехала в Англию. Если какая-то вещь украдена, ее можно вернуть по суду. Вот почему я здесь». Миссис Роджерс вышла из дома в пятницу утром. Когда именно, миссис Хоппер не знает, поскольку уезжала делать покупки к выходным. Так вот, по словам Мэри Стоукс, в субботу вечером она видела в Роще Мертвеца тело светловолосой женщины с сережкой «кольцо вечности», а Луиза Роджерс в Хэмпстед так и не вернулась. Я спросил у миссис Хоппер, слышала ли она когда-нибудь о Дипинге, а та, похоже, решила, что это марка продуктов или мебельного лака. – Фрэнк подался вперед и протянул руки к ярко пылавшему камину. – Вы, конечно же, понимаете, что, если бы не Мэри Стоукс, можно было бы заключить, что миссис Роджерс просто укатила куда-то на выходные, не удосужившись поставить об этом в известность свою хозяйку.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Если бы она намеревалась уехать надолго или вообще навсегда, то взяла бы с собой чемодан. Из вещей что-нибудь пропало?

– Миссис Хоппер говорит, что нет.

Миссис Сильвер кивнула:

– Она явно прекрасно осведомлена. Женщина, сдающая внаем жилье, пристально следит за подобными «перемещениями». Люди обычно вывозят вещи по частям, а потом исчезают, не заплатив.

– Ну, хозяйка утверждает, что ничего не пропало. Миссис Хоппер сказала буквально следующее: «Она ушла в том, в чем была – в отличном черном пальто и берете. Все по последней моде, совсем как настоящая леди, хотя и иностранка». И вот в чем вопрос: отправилась ли она в Дипинг и выступила в роли трупа, виденного Мэри Стоукс, и если да, то куда потом исчезла?

Мисс Сильвер на мгновение перестала вязать и мрачно заметила:

– Полагаю, нельзя сбрасывать со счетов вероятность того, что ее убили.

– Согласен. Завтра я поеду в Дипинг и попробую что-нибудь разнюхать. Местные меня не жалуют, но все уже обговорено с начальником тамошней полиции. Решили послать именно меня, поскольку я находился там, когда Мэри заявила о происшествии, а еще потому, что я вроде бы как должен знать те места. На самом же деле мои знания о Дипинге весьма поверхностны. Дядя лишь совсем недавно вернулся туда после долгого проживания за границей. Моника всюду следовала за ним, так что единственный человек, с кем я более-менее общался за последние десять лет, – это моя двоюродная сестра Сисели. Я часто навещал ее, когда она училась в школе, и, так сказать, «выводил в свет». Моника написала об этом директрисе школы, и меня повысили до звания родного брата.

– По-моему, несколько месяцев назад я читала в газетах о свадьбе твоей кузины с неким мистером Хатауэем.

– Да. Однако они расстались, и Сисели снова живет в родительском доме. Никто не знает, что между ними произошло. Примерно три месяца она чувствовала

себя на седьмом небе от счастья, как вдруг однажды заявила к родителям, объяснив, что вернулась домой и больше не желает видеть Гранта. Знаете, Сисели ведь богатая наследница. Моя бабушка унаследовала целое состояние от своего отца, крупного судовладельца, и завещала его Сисели.

– Господи, дорогой мой Фрэнк!

– И я, и дядя Редж – мы оба оплакивали это решение. Бабушка не могла выставить его из Эбботсли, поскольку поместье находилось в семейной собственности, однако дядя почти ничего от нее не получал на его содержание. Она разругалась с ним, потому что он принял следовавшее ему назначение на службу за границей вместо того, чтобы откупиться. Мой отец, разумеется, долгие годы с ней вообще не разговаривал – она пришла в ярость от его женитьбы на моей матери. Поскольку отец был вторым по старшинству сыном, она заранее предопределила ему женитьбу на богатой невесте. И, конечно же, меня сразу вычеркнули из списка наследников, как только я поступил на службу в полицию.

Мисс Сильвер на мгновение сжала губы, прежде чем заметить:

– А ей не приходило в голову, что она могла бы обеспечить тебе возможность продолжить учиться на адвоката, как предполагал твой отец?

Фрэнк взглянул на нее с саркастической улыбкой:

– О да, естественно, ей это приходило в голову. Она вызвала меня к себе и принялась внушать, что мой отец всегда был расточительным глупцом и насколько это соответствовало его характеру – умереть, не успев дать мне образование и достойную профессию. Вот прямо вижу, как она сидит, вся мрачнее тучи, и читает мне нотацию, что не намерена расплачиваться за недомыслие и некомпетентность, принимая на себя обязанности моего отца.

– Господи боже, Фрэнк!

Его взгляд смягчился.

– Нет худа без добра, и нечего мне удивляться. Вероятно, я никогда бы не получил должность в Скотленд-Ярде, не говоря уже о том, что не познакомился бы с вами. Так вот, это был мой последний приезд в Эбботсли до недавнего возвращения дяди Реджа. – Фрэнк рассмеялся. – Несколькими тщательно подобранными словами я высказал ей все, что о ней думаю, и укатил восвояси. Знаете, особое очарование для меня заключается в том, что внешне я вылитая бабушка. Я даже сам это подмечаю.

– А твоя кузина тоже в нее?

– Нет, Сис худая и смуглая.

Наступило молчание, затем мисс Сильвер спросила:

– Зачем ты мне это все рассказал, Фрэнк?

По его губам скользнула мимолетная улыбка. Он непринужденно ответил:

– Ну, не знаю... Просто взял и рассказал.

Она бросила на него нежный и вместе с тем суровый взгляд, после чего процитировала своего любимого лорда Теннисона:

– «Не верь ни капли мне иль доверяйся мне во всем».

Фрэнк рассмеялся:

– И дальше: «Ведь с полуправдою мы ложь подлее всех несем». Или нечто в том же роде. Хорошо, буду откровенен. Монике до смерти хочется с вами познакомиться. Как бы вы отнеслись к предложению погостить в Эбботсли?

Мисс Сильвер впиалась в него пристальным взглядом.

– Ты предлагаешь мне расследование?

Он слегка улыбнулся.

– Пока нет.

– Что ты хочешь этим сказать, Фрэнк?

Он чуть скривил губы.

– Не знаю. В голове сумбур какой-то. Самое большее, что я понимаю, – что это дело в теперешнем состоянии – полная бессмыслица. А у вас просто дар придавать происходящему смысл и выводить закономерности. Все тут как-то смутно и расплывчато, да и Монике прямо-таки не терпится с вами познакомиться... – Он помолчал, после чего серьезным тоном произнес: – Мне хотелось бы, чтобы вы встретились с Мэри Стоукс и объяснили мне, лжет она или нет. Если лжет, то в чем именно и в какой степени. И почему.

Глава 6

Поместье Эбботсли представляло собой большую постройку, лишенную четкой планировки и не имеющую признаков какого-либо архитектурного стиля. Изначально это был деревенский дом, обраставший пристройками по мере роста богатства и увеличения семьи. Один из Эбботов, живший в середине викторианской эпохи и имевший пятнадцать детей, после поездки в Шотландию прилепил к дому поистине жуткого вида крыло с башенками, имитирующее замок-резиденцию королевской семьи в Балморале. Времена леди Эвелин Эббот ознаменовались господством закостенелого консерватизма, выразившегося в сохранении как можно большего числа предметов обстановки. Ее невестка, крайне ограниченная в средствах, залезла на чердак и обнаружила там массу приличной старой мебели из дуба в дополнение к сундукам, набитым чудесными портьерами эпохи Регентства, которые пошли на замену заполнившим весь дом гобеленам и плюшу. Одну за другой она приводила комнаты в более-менее человеческий вид: в частности, свою спальню, спальню Сисели, столовую и очаровательную малую гостиную, где было столько солнца, сколько природа отпускает людям в разгар английской зимы.

В большой гостиной новая хозяйка дома даже не пыталась ничего менять. Это была комната для приемов, а не для повседневной жизни. Портьеры из тяжелой позолоченной парчи, маленькие позолоченные стулья, огромные кресла с

парчовой обивкой скорее выставляли напоказ богатство, нежели обеспечивали уют. Стены украшали множество зеркал в золоченых рамах и фамильные портреты, включая лик самой леди Эвелин, запечатленный в масле почти сразу после ее замужества. Никто из видевших его не мог не поразиться сходству леди Эвелин с ее внуком, украшавшим Скотленд-Ярд в качестве подающего большие надежды сержанта уголовной полиции. Тот же нос с высокой переносицей, слишком хрупкий и тонкий для женского лица, те же холодные голубые глаза, кажущиеся светловатыми из-за почти бесцветных, как и волосы, бровей и ресниц. Сами волосы, гладко зачесанные назад со лба после докучливой моды восьмидесятых годов девятнадцатого века, усиливали и без того поразительное сходство. Если обстоятельства вынуждали пользоваться большой гостиной, Моника Эббот постоянно чувствовала себя не в своей тарелке под желчно-презрительным взглядом свекрови. Полковник Эббот своих мыслей не высказывал. Он, несомненно, не мог заставить себя снять со стены портрет матери, и, как и Моника, предпочитал малую гостиную, где единственным портретом была акварель, изображавшая Сисели в детстве.

Мисс Сильвер, которую встретили в Лентоне и привезли к пылающему камину и со вкусом накрытому чайному столу, чувствовала себя комфортно и непринужденно. Полковника Эббота она сочла весьма представительным и привлекательным мужчиной, а миссис Эббот – сердечной и доброй женщиной. И к тому же довольно привлекательной с ее волнистыми темными волосами и большими карими глазами. У миссис Сисели Хатауэй были глаза матери, но в другом она ничем не походила на родителей, разве что пошла бы в мать волосами, если бы коротко их не остригла. Глядя на ее голову в обрамлении мелких кудряшек и маленькую хрупкую фигурку, трудно было представить, что она солидная замужняя женщина. Взглянув на безымянный палец левой руки Сисели Хатауэй, мисс Сильвер была потрясена, не увидев там кольца. Нынешние девушки легкомысленно относятся к ношению обручальных колец – чрезвычайно легкомысленно, – хотя мисс Сильвер опасалась, что дело тут не в легкомыслии, а в преднамеренном умысле.

Угощаясь лепешками с медом и слушая разъяснения Моника Эббот, что пчелами занимается Сисели, мисс Сильвер проникательно и вместе с тем добродушно рассматривала сидевшую на коврик у камина девушку. Она пила одну чашку чая за другой, но вообще ничего не ела. Фрэнк Эббот назвал ее худой и смуглой. Мисс Сильвер сочла это точным определением. У нее были темно-каштановые волосы, карие глаза и смуглая кожа; глаза и волосы не такие темные, как у матери, но вот кожа – гораздо смуглее. Сисели сидела рядом с камином, и на лице ее играли отсветы пламени. Одна щека разрумянилась от близкого огня, и

румянец этот придавал ей какое-то неуловимое очарование. Сисели могла бы вплести в волосы алые ягоды и танцевать на ветру под осенний листопад.

Однако мисс Сильвер приходили в голову вовсе не такие полные поэтики и романтики мысли. Она видела несчастную девушку, до отчаяния уставшую от своих несчастий и страданий. Мисс Сильвер повернулась к хозяйке дома, и гостью вскоре проводили в отведенную ей комнату. Комната была обставлена массивной викторианской мебелью, на окнах висели шторы из темно-красного репса, и мисс Сильвер сочла ее милой и уютной.

Сняв черный жакет простого покроя с несколько поредевшим меховым воротничком и черную шляпку, переживавшую уже третий сезон, но выглядевшую свежей благодаря небольшому пучку лиловых анютиных глазок, мисс Сильвер поправила прическу, надела расшитые стеклярусом домашние туфли, вымыла руки, разыскала мешочек с вязанием из ситца яркой расцветки и вернулась в малую гостиную. На ней было купленное минувшей осенью шерстяное платье цвета бутылочного стекла с небольшим вырезом спереди и сетчатой вставкой у шеи, украшенное брошью из мореного дуба в виде розы с большой ирландской жемчужиной посередине. На тонкой золотой цепочке висело пенсне, которым мисс Сильвер иногда пользовалась для чтения мелкого шрифта при плохом освещении. Другая же цепочка была массивнее и плотно прилегала к шее. На ней крепился тяжелый викторианский медальон с выгравированной фигурной монограммой – семейная реликвия, хранившая память о давно умерших родителях мисс Сильвер. Буква А обозначала имя Альфред, а буква М – имя Мария. В те времена, когда медальон на груди носила Мария, в нем находилась прядь волос Альфреда. Теперь к ней прибавился мягкий седой локон Марии. Для мисс Сильвер Альфред и Мария были «бедным папенькой» и «дорогой маменькой», а медальон она считала очень красивым.

Устроившись у камина, мисс Сильвер достала из мешочка с вязанием моток светло-голубой шерсти и принялась набирать петли для новой кофточки в дополнение к той, что закончила предыдущим вечером. Чтобы ребенок всегда был в чистоте и в тепле, таких кофточек нужно несколько. Здравый и практичный подход.

Набрав нужное число петель, мисс Сильвер приготовилась к разговору с хозяйкой дома и, к своему удовольствию, обнаружила, что они остались одни. Полковник Эббот и Сисели куда-то исчезли, а Фрэнк позвонил и сообщил, что он уже в пути и, возможно, приедет поздно.

– Вы не представляете, как я рада с вами познакомиться, – начала Моника. – Фрэнк вами просто восхищается.

– Ах, дорогая миссис Эббот!

– Да, да, именно так. И хорошо, поскольку он не очень-то склонен перед кем-то преклоняться. Вы же знаете, он всегда такой холодный и презрительно-равнодушный. Конечно, в его поведении много напускного, но отнюдь не все. Моя свекровь относилась к нему из рук вон плохо. Они ведь с ним почти не виделись, потому что она рассорилась с его отцом – она со всеми рассорилась. Но он уж очень на нее похож – это могло бы даже испугать, если не знаешь, что внутри он совсем другой. А уж как она себя повела после смерти его отца... Полагаю, он вам об этом рассказывал. Просто ужас, как она отравила ему, бедняжке, жизнь. А мы тогда находились на другом краю земного шара и понятия не имели, что у Фрэнка все сложилось так плохо – мой деверь не оставил сыну ничего, кроме долгов. И уж конечно, Фрэнк нам и словом не обмолвился, хотя я не представляю, чем бы мы сумели ему помочь, даже если бы все знали: Сисели училась в школе, а у Реджа не было практически ничего, кроме офицерского жалованья. Леди Эвелин заполучила даже Эбботсли – муж был полностью у нее под каблуком. – Моника тепло улыбнулась мисс Сильвер. – В общем, сами видите, как это прекрасно, что Фрэнк вами восхищается. Леди Эвелин отняла у него больше, чем просто деньги, а вы возмещаете утраченное им. Именно поэтому я хотела с вами познакомиться. Разумеется, были и другие причины. Взять хотя бы это убийство – или, может, вообще не убийство, – Фрэнк утверждает, будто тут нет никакого смысла. Верно же? Однако... вся эта атмосфера... как-то пугает.

Тихонько позвякивая спицами, мисс Сильвер удивленно переспросила:

– Пугает?

Лицо Моника Эббот слегка вспыхнуло.

– Да, знаете ли, пугает. Если бы это было просто убийство... разумеется, ужасно... но на этом бы все и закончилось. Я в том смысле, что оно могло произойти из-за ссоры, из ревности, оттого, что кто-то напился и сам не ведал, что творил, или из-за денег. Это часть причин, по которым совершаются убийства. Но вот это... тут не только не знаешь, почему оно произошло, но и нет

уверенности в том, произошло ли оно вообще. Это и пугает: будто бы что-то видишь и не понимаешь, действительно ли что-то видишь и видишь ли что-нибудь вообще...

Несколько чопорным и вместе с тем любезным тоном мисс Сильвер процитировала из «Макбета»:

– «Тут они в воздух превратились».

Моника Эббот внимательно поглядела на гостью:

– Да-да, именно это я и хотела сказать. Какая вы умница!

Мисс Сильвер улыбнулась:

– Расскажите мне подробнее об этом происшествии. Похоже, в нем заметную роль играет эта девушка, Мэри Стоукс. Разумеется, так всегда случается в любом преступлении: история, рассказанная одним человеком, представляется совершенно невероятной, а в изложении другого воспринимается как нечто естественное. Что собой представляет эта мисс Стоукс?

Моника Эббот протянула:

– Не... знаю.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Не знаете?

– Ну, я не могу толком ничего сказать. Мне она не нравится, но не следует так говорить, поскольку мне нечего толком сказать. Могу лишь сообщить вам ровно то, что вы бы и сами увидели через пять минут. Ей примерно двадцать четыре года, но выглядит она... как выдавшая виды. В конце войны служила в одном из женских подразделений. В Дипинге недавно. Разумеется, мы сами живем здесь всего несколько месяцев. Перед отъездом мужа за границу мы ездили здесь с визитами и принимали у себя, но все-таки были тут чужими.

– А Мэри Стоукс – своя?

– Нет. Девушки помоложе стараются подражать ей в одежде и копируют ее прически, однако Мэри не любят – считают, что она выпендривается.

– А это правда?

– Полагаю, да. Понимаете, Мэри совершенно не похожа на деревенскую девушку, она гораздо умнее и изысканнее. Приезжает на ферму, когда остается без работы или для смены обстановки. Она быстро устает, но хозяева относятся к ней хорошо, вот только мне кажется, что они испытывают облегчение, когда она снова уезжает. Мэри работала в какой-то конторе в Лентоне, а потом заболела, и ей прописали месячный отпуск. Наверное, ее возьмут на прежнее место.

– А она симпатичная?

– О да! – раздраженно воскликнула Моника Эббот.

Со спиц уже свисала полоска шириной сантиметра полтора, напоминающая оборку. Бегло взглянув на нее, мисс Сильвер спросила:

– А подробнее?

Моника рассмеялась:

– Если подробнее – она из обесцвеченных перекисью блондинок, на которых клюют мужчины. Нет... так нельзя. Вероятно, она их чуть-чуть и подкрашивает, однако я полагаю, что волосы у нее светлые от природы. Потом еще голубые глаза и какие-то натянутые манеры. – Она выразительно взмахнула рукой. – Послушайте, так не годится... Мэри мне не нравится, и я не могу быть объективной.

Мисс Сильвер смерила Монику спокойным взглядом.

– А почему она вам не нравится?

– Не нравится, и все тут.

– Однако если бы вы знали, то назвали бы причину?

Наступило недолгое молчание, а затем Моника Эббот призналась:

– По-моему, она предательски двулична, как змея подколотная.

– Неужели?

Мисс Сильвер потянула за торчавшую из светло-голубого мотка нить и отмотала пару метров пушистой шерсти. Она нашла миссис Эббот весьма колоритной и привлекательной дамой, однако ее больше волновали суждения хозяйки дома касательно существа дела. Вряд ли она питала сильную неприязнь к той девушке, но... Вполне могли существовать какие-то потаенные причины. Мисс Сильвер подумала: а возможно ли, что эта Мэри Стоукс имеет какое-то отношение к расстройству замужества Сисели Хатауэй?

Легко и непринужденно мисс Сильвер перевела разговор на Сисели. Сначала она отметила, как уютно обставлена гостиная, затем поинтересовалась, верно ли, что на дивной акварели на дальней стене изображен Даремский собор, а потом обратилась к портрету, висевшему над каминной полкой.

– Это, конечно же, ваша дочь. Сходство просто поразительное.

Моника вздохнула. Детские годы Сисели навсегда ушли в прошлое.

– Да, это Сисели в семилетнем возрасте. Она и теперь похожа на себя в детстве, вот только вид у нее больше не такой счастливый.

– Разве?

– Она рассорилась с мужем – думаю, Фрэнк вам об этом сообщил. Не знаю, зачем люди заводят детей... А вокруг одни сплошные разговоры о росте рождаемости! Если бы она только рассказала, что же все-таки произошло, мы, вероятно, смогли бы ей чем-то помочь, но она ни словечка не говорит о случившемся. Когда думаешь, что когда-то ты ее мыла и одевала, укладывала спать и шлепала

за шалости – хотя я не сторонник телесных наказаний, они лишь портят детей, – то прямо сердце кровью обливается. Но Сисели всегда отличалась упрямством, даже в шестимесячном возрасте. Она была, знаете ли, весьма милым, однако надоедливым ребенком.

Мисс Сильвер по-прежнему вязала.

– И вы вообще не представляете, отчего они могли разругаться?

– Сисели молчит как рыба, и ее муж тоже.

– Но иногда можно же о чем-то догадываться. А если в этом... замешана другая женщина?

– Не знаю... нет, не думаю. Боже мой, всегда найдется другая женщина, если лучше присмотреться... Просто не каждый может себе позволить копать в чужих тайнах. Я в том смысле, что слишком уж мало времени прошло после свадьбы, чтобы появилась какая-то новенькая со стороны – по крайней мере, это идет на ум, не так ли? Они были женаты всего три месяца и казались такой счастливой парой! Но если начать копать в прошлом... – Моника подалась вперед и с жаром продолжила: – Дело ведь в том, что я ничего не знаю. Сисели замкнулась в себе, а я пребываю в полном неведении. А если начать гадать, я бы сказала, что не было никакой другой женщины. Причина может крыться в деньгах – у Сис их, знаете, довольно много.

– Да, Фрэнк мне говорил.

Моника сверкнула глазами.

– Мать Реджа оставила его без наследства и все состояние завещала Сисели. Просто возмутительно, верно? И хуже всего в этом деле то, что Сисели слишком много времени проводила с бабушкой. Мы жили за границей, а она приезжала сюда на все праздники и каникулы. – Моника замялась. – Могу ошибаться, но порой мне кажется, будто Сисели могла внушить себе превратные представления о роли и значимости денег. Понимаете, леди Эвелин считала, что все люди одержимы такой же жаждой денег, что и она. Она верила в то, что мы считаем ее деньги и стремимся ими завладеть, и решила наказать нас, оставив все свое состояние Сисели. А вот теперь я размышляю, не наказала ли она тем

самым свою внучку Сис.

Мисс Сильвер кашлянула.

– В каком смысле?

– Сама даже не знаю, – несколько отрешенно ответила Моника Эббот. – Она озлобилась из-за этих денег, и это нельзя не заметить. Пусть она внешне совсем не похожа на бабушку, но в ней сквозит то же холодное упрямство и... Мисс Сильвер, как же мне тяжело! Сисели не ест, не спит и ничего нам не говорит. На самом деле у нее доброе сердце – по крайней мере, оно было у нее, пока она не превратилась в ледышку. Сисели ведь даже живет здесь не потому, что ей хочется тут жить, – а потому, что не хочет позволить ему увезти ее прочь. – Моника достала платок и быстро вытерла глаза. – Вы, наверное, думаете, что я не в себе, что разговариваю вот так с незнакомым человеком, но больше в деревне мне не с кем побеседовать, и вы не представляете, какое я испытываю облегчение, выкладывая вам все начистоту.

Глава 7

– Ну, вот мы и на месте, – произнес Фрэнк Эббот.

Мисс Сильвер вышла из машины и огляделась в окружавшей ее Роще Мертвеца. Она сразу подумала, что с названием местные попали в самую точку. Она никогда не видела более мрачного леса и не ездила по более ухабистой дороге. Поэтому мисс Сильвер ничуть не удивилась тому, что здесь мало кто бывает. Что-то в рельефе местности и в том, как дорога ныряла в низину, делало окружавший ее пейзаж даже темнее, чем он был на самом деле. Деревья росли не часто, и были они невысокими – несколько сосен с торчавшими в разные стороны ветвями, пара холмиков, густо поросших остролистом, полусгнивший ствол могучего дуба, плотно обвитый плющом, и буйно разросшийся подлесок, который всегда изобилует в надолго оставшемся без присмотра лесу.

Мисс Сильвер спросила, кто владелец этих угодий. Фрэнк Эббот рассмеялся:

– Вроде бы дядя Редж, хотя на сей счет есть сомнения. До этой тропинки тянулись владения семейства Томалин. Все, что по ту сторону от нее, – общинные земли. Все мужские представители семьи Томалин умерли более века назад, но оставались две дочери. Одна из них вышла за Эббота, другая – за Харлоу. Угодья Харлоу граничат с Эбботсли. Усадьба Томалинов сгорела, а вместе с ней – множество бумаг. Этот участок земли никого особо не волновал, так что о нем потихоньку забыли. С ним связано какое-то суеверие, что неудивительно – бытует представление, что места тут недобрые. Дядя Редж однажды говорил, что помнит старика из деревни, который твердил ему, что Мертвец наслал проклятие на здешние места. Ни у Харлоу, ни у Эбботов не было документов, подтверждавших право собственности на эту землю, и долгие годы ни те, ни другие не очень беспокоились, кому тут все принадлежит. Вскоре всплыл какой-то стародавний документ, и они между собой договорились. Так что, думаю, можно сказать, что этот дивный уголок теперь принадлежит Эбботам.

Мисс Сильвер слушала его очень внимательно.

– А дом? Как я понимаю, в лесу находится какой-то дом. Он принадлежит тому же, кому и земля.

– Я его не видел, но он, наверное, совсем развалился. В свое время к нему вела какая-то тропка. Как утверждает местный констебль, начиналась она где-то у этого дуба, но теперь ее совсем не видно. Если Мэри Стоукс говорит правду, в чем я сильно сомневаюсь, то она стояла на этом самом месте, когда увидела мужчину, ворошившего волосы убитой девушки в поисках сережки. Вот интересно, что же Мэри видела. Если бы не Луиза Роджерс и ее серьги, я бы решил, что она все придумала. Но Луиза существует, и ее до сих пор не могут найти. И вот еще что: дождя не было с субботы – все так же видно, где Мэри пересекала канаву и оставила на земле глубокие отпечатки. Она бежала – это точно.

Мисс Сильвер весьма резво перебралась через канаву и взошла на пригорок. Разглядела отпечатки ног, потом снова посмотрела в лес.

– Далеко отсюда этот дом, о котором ты говорил?

– От четырехсот до восьмисот метров, если верить плану, который показывал мне дядя Редж. Его называли Домом лесника, и в былые времена к нему через лес вроде вела какая-то тропинка. Теперь ее нет.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Лес обыскивали?

– Думаю, что-то в нем искали.

– Фрэнк, дорогой мой!

– Ну, видите ли, тогда я выступал тут в роли стороннего наблюдателя, и мне приходилось осторожничать. Всем заправлял инспектор из Лентона. Могу ошибаться, но у меня сложилось впечатление, что если у меня хватит дури сунуться с каким-то предложением, то получу за это разнос, так что я помалкивал. Не знаю, догадался ли инспектор, что я из Скотленд-Ярда, но я изо всех сил изображал гостившего у полковника Эббота племянника. В общем, я не в курсе, насколько далеко в лесу велись поиски, однако, по-моему, искали небрежно и кое-как. Если бы и были какие-то следы, то теперь идентифицировать их почти невозможно. Местный констебль Джо Тернберри топает, будто паровой каток.

– К великому сожалению, – вздохнула мисс Сильвер.

Фрэнк кивнул.

– Насколько я заметил при личном осмотре местности, не было никаких следов того, что по подлеску кого-то волочили. Не представляю, как мужчина мог протащить или пронести на руках девушку через такие густые заросли, не оставив характерных следов. Такого не бывает.

– А ты в лес далеко заходил?

– Не очень. Я вел себя осторожно, стараясь не засветиться. Вот теперь, когда дело веду я, сегодня же вызову сюда инспектора Смита из Лентона, и мы с ним тут все тщательно прочешем. Однако особых надежд я не питаю.

– А дом?

– Дом лесника? До него в лучшем случае метров восемьсот.

– Его обыскивали?

– Вряд ли. Понимаете, я почти уверен, что Смит счел всю эту историю сплошной фантазией, да я и сам сначала так думал. Возьмем только факты. Девушка утверждает, будто видела, как из леса тащили окровавленный труп. Но нет ни трупа, ни пятен крови, ни каких-либо следов волочения. Что решит обычный человек? Мол, девица сказки рассказывает. И не станет углубляться в лес, чтобы проверять ее фантазии.

Выражение лица мисс Сильвер осталось таким же спокойным.

– Было бы любопытно посмотреть на этот Дом лесника.

Фрэнк быстро взглянул на нее.

– Что вы задумали? Вы рассчитываете найти среди развалин Луизу Роджерс?

– Не знаю, Фрэнк. Просто хочу осмотреть дом.

Фрэнк издал какой-то странный отрывистый смешок.

– Ну хорошо, вы его увидите. Но во имя логики и здравомыслия объясните мне, зачем кому-то, убившему женщину, предположительно в этом лесу, сначала тащить ее к дороге, быть замеченным Мэри Стоукс, а затем волочить тело обратно через почти километр густого подлеска? И как преступник умудрился это сделать, не оставив никаких следов? Это невозможно.

Мисс Сильвер тихонько кашлянула.

– Если это невозможно, значит, этого не случилось.

Фрэнк удивленно посмотрел на нее.

– Итак, с чего бы вы предпочли начать: со знакомства с Мэри Стоукс или с прогулки по лесу?

– Пожалуй, сначала повидаемся с Мэри Стоукс.

Фрэнк надеялся, что именно так она и ответит. Несмотря на непринужденное поведение, он буквально рвался в бой. Если дело в данный момент представлялось бессмысленным, то, по крайней мере, ясно было следующее: Мэри Стоукс или лжет, или говорит правду. В первом случае ее можно уличить во лжи. Во втором она сумела бы дать более убедительные показания, чем перемежаемая рыданиями субботняя история. Касательно того, лжет Мэри или нет, Фрэнк почти не сомневался, что мисс Сильвер сразу это распознает. Но когда они оказались с ней лицом к лицу в гостиной дома на ферме Томлинс, у Фрэнка поубавилось уверенности в том, что они вообще хоть что-то выведают у мисс Мэри Стоукс.

Открывшая им дверь миссис Стоукс была простой и радушной женщиной в платье с закатанными до локтей рукавами. Она поздоровалась с ними, назвав Фрэнка «мистер Фрэнк», и пустилась в пространные извинения за то, что не успела затопить камин. Сказала, что ее племянница вот-вот появится, однако им пришлось прождать ее десять минут, в течение которых им выпала возможность в деталях рассмотреть обои с узором – его еще в восемнадцатом веке одна дама описала как «огромные буйно-веселые цветы». Мисс Сильвер и Фрэнку также довелось лицезреть маску лисы, скалившуюся из темного угла; набор чучел птиц на трехногом столике, покрытом коричнево-малиновой скатертью с каймой из затейливых кружев; пивную кружку в виде толстяка в костюме восемнадцатого века и дивную красно-коричневую майолику в стоящем в углу буфете, увеличенные фотографии родителей мистера Стоукса на одной стене и родителей миссис Стоукс – на другой. Оба мужчины, вероятно, чувствовали себя неловко в выходных нарядах с высокими стоячими воротничками и галстуками, а дамы выглядели до уныния благопристойными. Что до матери миссис Стоукс, то фото было сделано вскоре после того, как она овдовела, и камера удачно запечатлела изысканный траурный креп и чрезвычайно вычурный вдовий чепец с длинными черными лентами.

Мисс Сильвер с интересом разглядывала эти атрибуты семейной жизни. Она заметила медные ручки на бюро из орехового дерева, натертые до блеска, а само бюро – сиявшее полировкой. Нигде ни пылинки, а ведь вокруг так много безделушек.

Когда в комнату вошла Мэри Стоукс, показалось, будто она явилась из другого мира. Она была молодой и хорошенькой, однако закрадывались сомнения, так ли Мэри молода и миловидна, как кажется на первый взгляд. Чувствовалась в ней какая-то натянутость и наигранность, что напомнило мисс Сильвер старую детскую песенку о том, что нужно следить за своим лицом, когда бьют часы, иначе оно останется перекошенным на всю жизнь. Наверное, дело было в осветленных волосах или в чуть неестественно свежем цвете лица. Или в прическе по самой последней кричащей лондонской моде, выглядевшей совершенно неуместной в деревенском доме. Или в столь же неуместном тут ярко-синем платье, или в броши, сверкавшей так, будто все камни в ней настоящие. Возможно, все это дополняло общее впечатление, создавшееся у мисс Сильвер от Мэри Стоукс.

Вид у девушки был несколько высокомерный. Когда она здоровалась и обменивалась со всеми рукопожатиями, голос ее неприятно повизгивал, а звуки она выговаривала с преувеличенным изяществом.

– Я направлен сюда из Скотленд-Ярда для проведения расследования, – начал Фрэнк. – Позвольте представиться, мисс Стоукс: сержант уголовной полиции Фрэнк Эббот. Надеюсь, вы не станете возражать против присутствия мисс Сильвер.

Будь мисс Стоукс не столь утонченной, она бы вскинула голову. Однако она лишь мельком посмотрела на Фрэнка, даже не взглянув на мисс Сильвер, и присела на ближайший стул, закинув ногу на ногу, продемонстрировав пару новеньких шелковых чулок, поправила подол синего платья и впиалась сверкающими голубыми глазами в представительного молодого человека, явившегося допросить ее. Привлекательный мужчина, совсем не похож на полицейского и явно высокого о себе мнения. Мэри позволила ему посмотреть себе в глаза, после чего эффектно опустила их так, что ее накрашенные ресницы едва не коснулись щек. Она чувствовала на себе его пристальный взгляд и не представляла, что молодой человек может рассматривать ее без малейшего удовольствия.

С едва заметной застенчивой улыбкой Мэри ответила:

– Конечно, нет, даже напротив.

Фрэнк достал блокнот и шагнул к одному из массивных круглых столов на одной ножке, столь модных в середине девятнадцатого века. На до блеска отполированной столешнице с тонкой резьбой лежали два альбома с фотографиями в переплетах из тисненой кожи и большая семейная Библия. Каждый из этих предметов покоился на вязаной салфеточке из темно-малиновой шерсти. Фрэнк освободил место для блокнота, достал карандаш и обратился к мисс Стоукс:

– Я недавно осматривал место происшествия в Роще Мертвеца. Совершенно ясно, что вы бежали вдоль канавы и пересекли ее в направлении тропы, но нет никаких следов того, что это проделал кто-либо еще.

Ресницы взметнулись вверх. Сверкающие синие глаза встретились с его взглядом.

– Ну, я уверена, что, если Джозеф Тернберри и инспектор Смит не оставили никаких следов, нет причин тому, чтобы их оставил кто-то еще.

Было очевидно – она решила, что выиграла этот раунд. Бросив на нее холодный взгляд, Фрэнк не замедлил рассеять эту уверенность.

– Боюсь, это не довод. Следы Смита и Тернберри легко опознать. Вы, наверное, помните, что я присутствовал при их осмотре местности. Вы должны понять, что там нет никаких других следов. Если, как вы утверждали, из леса появился мужчина, тащивший тело девушки, то чем вы объясните факт, что он не оставил отпечатков ног ни на краю, ни на влажном дне канавы и не имеется следов волочения тела?

Мэри Стоукс чуть наклонила голову набок.

– Ну, я не стала бы с уверенностью заявлять, что тело волочили... Понимаете, было темно. Он мог нести труп на руках.

– В этом случае должны были остаться более глубокие отпечатки ног.

Мэри пожала плечами.

– Вероятно, вы не нашли именно то место.

– Отпечатки ваших ног видны очень четко – здесь ошибки быть не может. Вы стояли лицом к тропинке. С какой стороны от вас этот человек вышел из леса?

Она сжала губы и слегка нахмурилась.

– Не знаю.

– Слушайте, мисс Стоукс, вы вошли в Рощу Мертвеца, когда слышали из леса какие-то звуки. Это ваши показания? Вы так испугались, что перешли канаву, взобрались на пригорок и двинулись в лес на источник звуков. – Фрэнк вопросительно поднял брови. – Весьма странное поведение. Не могли бы вы разъяснить его причину?

Она холодно ответила:

– Я перепугалась – да любой бы перетрусил!

– Поэтому побежали на звук, что вас испугал?

– Ну, я не разбирала, а просто бросилась бежать – так всегда бывает с перепугу. Наверное, я хотела спрятаться.

– Да, но почему не в кустах по ту сторону от тропы? Зачем мчаться навстречу опасности? Вы могли с размаху налететь на убийцу, разве нет?

Мисс Стоукс начала выходить из себя.

– Говорю же вам – я ничего не думала, я сильно испугалась! Не знаю, почему побежала в лес с той стороны, рванулась – и все тут.

– Вы в этом абсолютно уверены?

Она сердито уставилась на него:

– Что вы имеете в виду?

– Понимаете, не обнаружено следов ваших ног, ведущих в лес.

Мэри судорожно выдохнула:

– Так уж получилось.

– Странно, не так ли? Никаких ваших следов, ведущих в лес, и никаких следов убийцы, ведущих из него. Боюсь, что тут есть какая-то неувязка. Как бы вы ни были напуганы, вы вряд ли могли бы скрыться в лесу одним прыжком, особенно в темноте.

Все это время мисс Сильвер молча, но внимательно наблюдала за происходящим. Она устроилась на стуле, напоминавшем стулья из обстановки ее квартиры: со слегка выгнутой обитой спинкой, чуть выгнутым обитым сиденьем и фигурными ножками из орехового дерева, покрытыми резным узором. На таком удобно вязать или шить: спине обеспечена надежная опора, и руки двигаются свободно. В подобные моменты мисс Сильвер очень не хватало ее вязания, но сейчас она не позволяла себе хоть на что-то отвлекаться. Ее руки в черных теплых шерстяных перчатках, подаренных на Рождество племянницей Этель, лежали на коленях. Она рассматривала мисс Стоукс. Поверх ярко-синего платья висело дешевое жемчужное ожерелье. Оно заметно приподнималось и опускалось в такт учащенному дыханию девушки. Лицо Мэри Стоукс покраснело от злости. Мисс Сильвер решила, что Мэри не только злится, но еще и напугана. Она считала, что Фрэнк прекрасно ведет допрос. Он чуть улыбался холодной улыбкой, которая совсем бы не понравилась Монике Эббот. Она бы вызвала у нее не самые приятные воспоминания о свекрови. Именно такой улыбкой леди Эвелин обычно предваряла свои особенно язвительные замечания.

– Мисс Стоукс, что вы на это скажете?

Хрупкая скорлупа утонченности дала трещину.

– Не понимаю, о чем вы говорите!

– Готов повторить. Скажу простыми словами: вы не переходили канаву в сторону леса, и я готов поклясться, что вы через нее не перепрыгивали. Как вы очутились в лесу?

Теперь Мэри смотрела на него злобно и тревожно.

– Как я там очутилась?

– Да.

Она попыталась рассмеяться.

– И все-то вам хочется знать!

Мэри хотела придать голосу игриво-соблазнительные нотки, но быстро осеклась под ледяным взглядом Фрэнка.

– Даже очень, – ответил он и продолжил: – Так вы объясните? Это в ваших же интересах. Видите ли, дело серьезное. И естественное желание любого, кто не замешан в преступлении, всячески помогать полиции.

Он улыбнулся, немного оттаяв.

Мэри Стоукс принялась перебирать жемчужинки на ожерелье, демонстрируя покрашенные кроваво-красным лаком ногти и кольцо с бирюзой.

– Ну, если уж вам так хочется знать, я вошла в лес чуть дальше.

– Насколько дальше?

– Намного.

– Вам так или иначе пришлось бы перейти через канаву.

– А вот и нет! Потому что перед самым спуском в низину никакой канавы нет – так, одно название. Там сухо, и ноги следов не оставляют.

Фрэнк записал ее слова. Мэри внимательно смотрела на него. Затем ей снова пришлось встретиться с его холодным взглядом.

– Тут вы все детально продумали. Однако кое в чем у вас присутствуют неувязки. Ваши слова объясняют отсутствие ваших следов, ведущих в лес, но они совсем не объясняют, зачем и почему вы зашли в лес именно в том месте. В своих показаниях вы заявили и только что мне повторили, будто побежали в лес, перепугавшись до такой степени, что едва отдавали отчет своим действиям. Причиной подобного страха стали услышанные вами звуки, мол, что-то волочили по земле. Вы настаиваете на своих показаниях?

Рука Мэри прижимала к груди ожерелье, словно пытаясь унять учащенное и прерывистое дыхание.

– Разумеется, да!

Фрэнк вскинул брови.

– Я не замерял расстояние от начала канавы до места, где вы выбежали на тропинку, однако с уверенностью сказал бы, что оно составляет примерно двести метров. И вы утверждаете, что прошагали две сотни метров по краю леса в направлении звуков, которые так вас напугали?

Мисс Сильвер заметила, как Мэри потянула за ожерелье и принялась теревать его.

– А почему бы и нет?

– Это выглядит странно.

Мэри вдруг взорвалась:

– Что ж тут странного-то? Все можно выставить странным, если очень захотеть! Я услышала звуки, как и сказала, и бегом свернула с тропинки на краю леса, где еще нет никакой канавы. Ну а потом я немного постояла, прислушалась, и звуки прекратились. Я двинулась дальше, но на всякий случай из кустов не выходила. Я хорошо вижу в темноте, вот и подумала, что если это какой-нибудь пьяный, то

по лесу я всегда смогу от него убежать. Добравшись до канавы, я снова услышала те звуки и замерла.

– Понимаю. Значит, вы хорошо видите в темноте...

– Ничего криминального, так?

– Нет. Наоборот, очень помогает. Вы стояли и смотрели, как кто-то вытащил из леса тело. Если вы так хорошо видите в темноте, то смогли бы разглядеть, волок он труп или нет, верно?

– Так я и говорила.

– Я вроде бы припоминаю, что вы отклонялись от прямого ответа. Итак, что же вы скажете: тащил он девушку или нет?

– По звукам вроде бы тащил. Я говорила, что он мог ее нести, так что и это возможно.

Фрэнк не сводил с нее пристального взгляда.

– Ну хорошо, этот человек или тащил тело, или нес его. С какой стороны от вас он двигался – между вами и деревней?

Она замаялась, разозленная и сконфуженная.

– Говорю же вам, что было темно!

– Но вы же хорошо видите в темноте – сами же об этом только что сказали. Слушайте, мисс Стоукс, вы шли с фермы Томлинс по направлению к деревне. Вы просто обязаны знать, с какой стороны от вас этот человек вышел из кустов: позади вас или впереди, между вами и фермой или между вами и Дипингом.

– Между мной и деревней. Вы меня окончательно запутали.

В голосе Фрэнка слышалась ирония.

– Великодушно извините. Но если он вышел между вами и деревней, он должен был перейти канаву там, где в ней больше всего влаги – на дне низины. Говорю вам со всей ответственностью, что никто не сумел бы пересечь канаву, волоча труп по земле или неся его на руках, не оставив там отпечатков ног. Подобное просто невозможно.

Пальцы Мэри замерли, прижимая ожерелье к груди. Она промолчала. Фрэнк продолжил:

– В своих показаниях вы заявили, что мужчина опустил тело девушки на тропу, достал фонарик, включил его и направил на труп.

Она чуть вздрогнула.

– Да.

– Вы видели, что? именно он нес или тащил?

Мэри подняла голову и кивнула. Наблюдавшая за ней мисс Сильвер заметила, как злоба у нее на лице сменилась испугом от переживаемых воспоминаний. Но это не все – стискивавшая ожерелье рука разжалась и бессильно упала на колени.

Внезапно Мэри Стоукс словно прорвало. Дыхание у нее участилось, и она затараторила, захлебываясь словами:

– Это был просто ужас какой-то! Ее ударили по голове... Копна светлых волос, все в крови, а глаза открыты! Вот тут я и поняла, что ее убили. Глаза открыты, он блеснул в них лучом фонарика, а они не шевельнулись. Тут-то я убедилась, что она точно мертва. И еще сережка, блеснувшая на свету, в форме кольца, усыпанного бриллиантами.

– Какого размера она была? Мне нужно, чтобы вы описали сережку как можно точнее.

– Размером примерно с обручальное кольцо – сантиметр с небольшим или около двух сантиметров. Я никогда не измеряла обручальные кольца, но эта сережка

очень на такое похожа. И была эта сережка всего одна, потому что он перевернул тело и стал искать, но вторая пропала, а он все ее искал и ворошил пальцами волосы женщины. – Мэри содрогнулась. – Говорю же вам, меня чуть не вырвало! Я по ночам просыпаюсь, а сережка эта так и стоит перед глазами!

За одно мгновение от ее напускной утонченности не осталось и следа. В комнате сидела перепуганная деревенская девчонка, вспоминая то, что заставило ее с визгом броситься наутек и забарабанить в дверь мисс Эльвины. Мэри всхлипнула и добавила:

– Если бы он заметил, что я за ним подсматриваю, я бы стала вторым трупом. Как только он снова скрылся в лесу, я кинулась бежать со всех ног.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Вы и действительно пережили нечто ужасное. Неудивительно, что вам так больно все это вспоминать. Однако вы, я уверена, сделаете все, чтобы помочь сержанту Эбботу. Человек, способный на подобное преступление, не должен разгуливать на свободе. Он может совершить не одно такое злодеяние. Вот что мне интересно... Вы говорите, что камни на сережке сверкали в луче света, когда фонарем водили туда-сюда?

Мэри пристально взглянула на мисс Сильвер, внутренне собравшись перед новым «дознавателем», а потом ответила:

– Да.

– Тогда бы вы заметили, кровь на волосах была свежая или нет.

Фрэнк Эббот добавил:

– Постарайтесь сосредоточиться и припомнить. Это очень важно.

Мэри покачала головой.

– Я как-то не подумала о том, свежая на волосах кровь или запекшаяся. Я поняла, что ее убили, и я, наверное, следующая на очереди.

Глава 8

Больше они от Мэри Стоукс ничего не добились.

Когда они возвращались с фермы, мисс Сильвер с интересом оглядывала окружающий пейзаж: холмистые общинные земли справа и ровные поляны слева. Над ними раскинулось затянутое тучами небо. За несколько минувших дней потеплело, и в воздухе ощущалась влага. Мисс Сильвер подумала, что после обеда, возможно, пойдет дождь.

Фрэнк Эббот остановил машину там, где слева от дороги начинался лес.

– Вот тут, по ее словам, Мэри вошла в лес. Невозможно установить, так это или нет. Сами видите, никакой канавы здесь нет, и вокруг сухо – тут все продувается ветром с полей.

Мисс Сильвер вышла из машины и осмотрелась. Изгороди вокруг леса не было, а подлесок казался не очень густым. Объяснения Мэри Стоукс представлялись вполне правдоподобными. Она могла свернуть в лес и шагать вдоль его края с той же легкостью, что и по тропинке. Фрэнк двинулся ее путем, постоянно оглядываясь по сторонам.

Вернувшись, он застал мисс Сильвер на том же месте и проговорил:

– Она вполне могла идти именно так.

– Да, – задумчиво согласилась мисс Сильвер и добавила: – Хотелось бы лучше изучить здешние места. Вот, например, тут есть дорожка между полем и краем леса. Куда она ведет?

Фрэнк бросил на нее острый взгляд.

– Она выходит к Мэйн-стрит, а та, в свою очередь, тянется от деревни мимо Эбботсли и большого амбара, принадлежащего Харлоу.

– То есть Мэйн-стрит пролегает между двумя поместьями и лесом?

– Между Эбботсли и лесом. Угодья дяди Реджа заканчиваются там, где мы сейчас стоим. Поля справа от нас принадлежат семейству Харлоу, а большой амбар находится сразу за ними.

– По ту сторону Мэйн-стрит?

– Да. Дипсайд, где обитает Хатауэй, расположен еще дальше, но проезжая дорога к ферме Томлинс тянется между Дипсайдом и большим амбаром.

– А Мэйн-стрит где заканчивается?

– У самого Лентона. Это старая прямая дорога. По новой, когда ее построили, ездили не очень много, поскольку она как бы подрезала границы все трех владений. Мой прадед вроде бы проклял это место. Ему пришлось перестраивать дом.

Мисс Сильвер кивнула.

– Получается, что Роща Мертвеца представляет собой неправильный четырехугольник, ограниченный этой полевой дорогой, дорогой, по которой мы приехали, улицей деревни и Мэйн-стрит позади Эбботсли.

Фрэнк улыбнулся:

– Ответ правильный.

– А вот Дом лесника стоит ближе к этому краю леса или к Мэйн-стрит?

– Гораздо ближе к Мэйн-стрит и значительно ближе к этому краю леса, чем к деревне.

– Тогда, дорогой мой Фрэнк, я предлагаю добраться до него по полевой дороге.

Он вопросительно посмотрел на нее.

– Что вы задумали?

Она улыбнулась:

– Ты меня уже об этом спрашивал.

– Но ответа не получил.

– Ну, на сей раз я тебе объясню. Сейчас у меня в голове, как обычно, крутятся разные мысли. Какие-то вовсе бессвязные, какие-то только обретают форму. В данный момент я могу предложить тебе только две из них, и они, несомненно, уже приходили тебе в голову. Начну с того, что Мэри Стоукс лжет, утверждая, будто стояла у кустов в низине и своими глазами видела, как из леса на тропинку несли или тащили труп. Ты это очень хорошо высветил во время ее допроса. Однако, по-моему, столь же ясно, что она действительно описывала увиденное ею, когда говорила о луче фонарика, метавшемся по лицу убитой бедняжки. Я уверена, что в этом случае все подробности верны. Мэри действительно видела, как убийца искал пропавшую сережку, до ужаса боясь, что та выпала из уха и ее обнаружение может выдать его.

– Вы полагаете, что тут Мэри говорила правду?

– Просто убеждена в этом. Она действительно это видела, и испытанные при этом потрясение и ужас заставили ее в панике бежать куда глаза глядят. Лишь когда Мэри оказалась в относительной безопасности, какие-то другие причины вынудили ее скрыть правду. Она со слезами описала увиденную ею страшную сцену, но солгала о месте, где стала ее свидетельницей. Трагедия имела место, но не на тропе, ведущей через Рощу Мертвеца.

Фрэнк недоуменно смотрел на мисс Сильвер.

– Полагаю, вы правы – ведь вы всегда оказываетесь правы. Хотя если бы не Луиза Роджерс, я бы решил, что Мэри Стоукс лжет более целенаправленно. Именно Луиза Роджерс и ее сережки в виде «колец вечности» заставили меня засомневаться. В противном случае я бы решил, что Мэри все выдумала от начала до конца.

Мисс Сильвер раздраженно возразила:

– Нет, Фрэнк, она действительно видела то, о чем рассказала. И это напугало ее чуть ли не до смерти. Страх и потрясение читались у нее на лице. Ты заметил, как с нее мгновенно слетела вся наигранность? Девушка, сказавшая «меня чуть не вырвало», говорила правду.

Фрэнк кивнул:

– Да, я заметил. Куда же мы двинемся дальше?

Даже если он хотел задать вопрос фигурально, воспринят тот был совершенно буквально.

– К Дому лесника.

– Сейчас?

– Да. – И мисс Сильвер зашагала по дорожке между полем и краем леса.

Сбегав к машине, чтобы вытащить ключи из замка зажигания, Фрэнк догнал ее.

– Я мог бы довезти вас в объезд деревни и по Мэйн-стрит.

– Спасибо, но я люблю пешие прогулки. А здешний воздух так освежает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/ventvort_patriciya/kol-co-vechnosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)